

Диана Уинн Джонс

Diana Wynne Jones

**ДОМ
С ХАРАКТЕРОМ**

Ходячий замок

Диана Джонс

Дом с характером

«Азбука-Аттикус»

2008

Джонс Д. У.

Дом с характером / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Ходячий замок)

Книги английской писательницы Дианы У. Джонс настолько ярки, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки («Унесенные призраками»), обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского фестиваля, снял анимационный фильм, побивший в Японии рекорд кассовых сборов. В доме придворного чародея Вильяма Норланда пространство и время ведут себя по своим, чародейским законам. Единственная дверь ведет куда угодно – и в спальни, и в кухню, и в горные пещеры, и в прошлое, и в королевскую библиотеку. Родственница чародея, юная Чармейн, волей-неволей вынуждена разбираться, как устроен дом с характером, – и в результате оказывается в гуще придворных интриг. Добрый король и его дочь пытаются выяснить, отчего королевство пришло в упадок, и найти утраченный Эльфийский Дар, а для этого зовут на помощь могущественную колдунью Софи – да-да, ту самую, уже знакомую читателям по «Ходячему» и «Воздушному замку», – и она прибывает ко двору в сопровождении огненного демона Кальцифера и двух очаровательных маленьких мальчиков, один из которых – ее сынишка Морган, а вот второй приготовил всем сюрприз... Новая история с участием старых знакомых – впервые на русском языке!

© Джонс Д. У., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Глава первая,	6
Глава вторая,	13
Глава третья,	21
Глава четвертая,	29
Глава пятая,	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Диана Уинн Джонс

Дом с характером

HOUSE OF MANY WAYS

by Diana Wynne Jones

House of Many Ways © Diana Wynne Jones 2008

This edition is published by arrangement with

Laura Cecil and The Van Lear Agency

All rights reserved

© А. Бродоцкая, перевод, 2012

© А. Ломаев, илл. на обл., 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2012

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Моей внучке Рут —
с горой белья Шэрин в придачу, —
а еще Лилли Б.*

Глава первая, в которой Чармейн вынуждена добровольно присматривать за домом одного чародея

– Вот пусть Чармейн этим и займется, – сказала тетушка Семпрония. – Нельзя же бросить дедушку Вильяма в беде.

– Вашего дедушку Вильяма? – удивилась миссис Бейкер. – Но ведь он... – Она кашлянула и понизила голос, словно собиралась сказать что-то нехорошее и даже неприличное. – Он же чародей!

– Разумеется, – кивнула тетушка Семпрония. – Видите ли, у него... – Тут она тоже понизила голос: – У него в организме *опухоль*, и вылечить его могут только эльфы. Для этого им понадобится его забрать, а кто-то же должен присмотреть за домом. Понимаете, если за чарами не следить, они разбегутся. А у меня нет ни минуты свободного времени. Один только фонд помощи бездомным собакам...

– У меня тоже. В последнее время у нас выше головы заказов на свадебные торты! – поспешно перебила ее миссис Бейкер. – Вот только сегодня утром Сэм говорит мне...

– Значит, этим должна заняться Чармейн, – постановила тетушка Семпрония. – Она уже большая девочка.

– Э-э... – сказала миссис Бейкер.

Они разом посмотрели в дальний конец гостиной, где сидела дочь миссис Бейкер – та, как всегда, уткнулась в книгу, отгородившись узкой и длинной сутулой спиной от того скудного света, которому удавалось пробиться сквозь герани миссис Бейкер; рыжие волосы были закручены в воронье гнездо, очки съехали на кончик носа. В одной руке у нее был отцовский пирожок – большой, с повидлом, – и она медленно жевала его за чтением. В книгу сыпались крошки, и, когда они мешали читать, Чармейн смахивала их со страницы пирожком.

– Э-э... лапочка, ты слышала, о чем мы говорили? – нервно спросила миссис Бейкер.

– Не-а, – ответила Чармейн с набитым ртом. – А что?

– Значит, решено, – заключила тетушка Семпрония. – Бернис, дорогая, я уверена, вы сами все ей объясните.

Она поднялась, величественно расправив сначала складки тяжелого шелкового платья, а затем оборки зонтика.

– Я заеду за ней завтра утром, – добавила она. – А сейчас, пожалуй, сообщу бедному дедушке Вильяму, что за его домом присмотрит Чармейн.

И она выплыла из гостиной, оставив миссис Бейкер сожалеть о том, что тетушка ее мужа так богата и так любит командовать, и ломать себе голову, как все объяснить Чармейн и особенно Сэму. Сэм бдительно следил за тем, чтобы Чармейн неукоснительно соблюдала приличия. Миссис Бейкер тоже за этим следила, когда не вмешивалась тетушка Семпрония.

Между тем тетушка Семпрония уселась в элегантную коляску, запряженную пони, и велела кучеру отвезти ее на другой конец города, где жил дедушка Вильям.

– Я все устроила, – объявила она, пробравшись по лабиринту волшебных проходов в кабинет, где сидел и мрачно что-то писал дедушка Вильям. – Завтра сюда приедет моя внучатая племянница Чармейн. Она проводит вас и будет ухаживать за вами, когда вы вернетесь. А пока присмотрит за домом.

– Как любезно с ее стороны, – отозвался дедушка Вильям. – Надо полагать, она хорошо разбирается в магии?

– Представления не имею, – сказала тетушка Семпрония. – Зато я знаю, что она вечно сидит носом в книжку, никогда ничего не делает по хозяйству и мать с отцом пылинки с нее сдувают. Ей будет полезно для разнообразия заняться чем-нибудь человеческим.

– Ах, вот оно что. – Дедушка Вильям поднял голову. – Спасибо, что предупредила. Я приму меры.

– Сделайте милость, – кивнула тетушка Семпрония. – И советую как следует запастись провизией. В жизни не видела, чтобы девочки столько ели. И при этом тощая, как ведьмина метла! Просто в голове не укладывается! Так, значит, я привезу ее завтра утром, до того как придут эльфы.

Она повернулась и вышла.

– Спасибо, – слабым голосом произнес дедушка Вильям ей в прямую шуршащую спину. – О-хо-хо, – добавил он, когда хлопнула входная дверь. – Ну что ж. Ничего не поделаешь, надо быть благодарным своим родственникам.

Как ни странно, Чармейн тоже была благодарна тетушке Семпронии. Нет, конечно, вовсе не за то, что ее заставляют ухаживать за старым больным чародеем, которого она даже никогда не видела.

– Могла бы вообще-то сначала у меня спросить, – не раз и не два пожаловалась она матери.

– Наверное, она понимала, лапочка, что ты сразу откажешься, – в конце концов предположила миссис Бейкер.

– Может, и отказалась бы, – ответила Чармейн. – А может, – добавила она, пряча улыбку, – и нет.

– Лапочка, я же не говорю, что тебе это должно понравиться, – дрожащим голосом заметила миссис Бейкер. – Это так неприятно... Зато ты совершишь добрый поступок...

– Добрые дела – это не ко мне, ты же знаешь, – отрезала Чармейн, направилась наверх, в свою нарядную беленькую спальню, села там за аккуратненький письменный стол и стала смотреть в окно на крыши, башни и трубы города Норланда, столицы Верхней Норландии, и на голубые горы вдаль. По правде говоря, это было долгожданное везение. Чармейн ужасно надоела ее приличная школа, а особенно – родители, потому что мама относилась к Чармейн, словно та была тигрицей, о которой нельзя сказать наверняка, ручная она или нет, а отец вечно все запрещал, потому что это нехорошо, небезопасно или не принято. Наконец-то ей подвернулась возможность улизнуть из дома и сделать... гм... кое-что, о чем Чармейн давно мечтала. Ради этого стоило немного пожить у чародея. Чармейн стала собираться с силами, чтобы написать письмо, необходимое для исполнения ее мечты.

Довольно долго силы не собирались вообще. Чармейн сидела и глядела на тучи, громоздившиеся над вершинами гор, белые и лиловые, похожие то на толстеньких зверюшек, то на гибких грозных драконов. Чармейн глядела, пока облака не развеялись, оставив после себя лишь легкую дымку на синем небе. Потом она сказала: «Сейчас или никогда». После этого она вздохнула, надела очки, висевшие на цепочке на шее, и достала хорошее перо и лист самой лучшей почтовой бумаги. И написала каллиграфическим почерком:

Ваше Величество!

С самого детства, когда я впервые услышала о Вашем великольном собрании книг и рукописей, я мечтала работать в Вашей библиотеке. Хотя мне известно, что Вы сами взяли на себя трудное утомительное дело разбора и каталогизации книг в Королевской библиотеке и в этом Вам помогает дочь, Ее королевское Высочество принцесса Хильда, я тем не менее надеюсь, что смогу оказаться Вам полезной. Поскольку я уже достигла нужного возраста, то прошу принять меня на должность помощника библиотекаря

в Королевской библиотеке. Надеюсь, моя просьба не покажется Вашему Величеству чересчур дерзкой.

Искренне Ваша,

Чармейн Бейкер,

г. Норланд, ул. Зерновая, д. 12

Чармейн откинулась на спинку стула и перечитала письмо. Конечно, думала она, писать в таком тоне старенькому королю – наглость чистой воды, но все равно ей казалось, что письмо получилось очень хорошее. Сомнения вызывало только одно место – где говорилось, что она уже достигла нужного возраста. Обычно так говорят, когда человеку уже есть двадцать один или по крайней мере восемнадцать, это Чармейн прекрасно понимала, но все равно считала, что это не совсем ложь. Она же не указала, какого именно возраста достигла. И к тому же нигде не написала, что много училась или обладает большим опытом, – вот это было бы настоящей неправдой. Чармейн даже не упомянула, что любит книги больше всего на свете, хотя это как раз истинная правда. Все равно любовь к книгам и так сквозит в каждой строчке.

Король наверняка просто скомкает письмо и бросит в камин, подумала Чармейн. Зато я сделала что могла.

Она пошла и отправила письмо, чувствуя себя невероятно смелой и независимой.

На следующее утро тетушка Семпрония прибыла в своей коляске, запряженной пони, и погрузила туда Чармейн вместе с аккуратным ковровым саквояжем, который миссис Бейкер набила одеждой Чармейн, и второй сумкой, гораздо большей, которую мистер Бейкер набил пирожками, плюшками, булочками, рогаликами и ватрушками. Вторая сумка была такая большая и так сильно пахла вкусными приправами, подливкой, творогом, фруктами, вареньем и специями, что кучер, правивший коляской, обернулся и изумленно принюхался, и даже тетушка Семпрония и та царственно раздула ноздри.

– Что ж, дитя мое, с голоду ты не умрешь, – заметила она и приказала кучеру: – Трогай.

Однако кучеру пришлось подождать, пока миссис Бейкер обнимала Чармейн и тараторила:

– Лапочка, я уверена, что ты будешь вести себя как добрая, аккуратная и заботливая девочка!

Враки, подумала Чармейн. Ни в чем она не уверена.

Потом подбежал отец, чтобы поцеловать ее в щечку.

– Ну, Чармейн, ты не заставишь нас краснеть, – сказал он.

Опять враки, подумала Чармейн. Еще как заставлю, и тебе это известно.

– Мы будем по тебе скучать, солнышко! – воскликнула миссис Бейкер, глотая слезы.

А вот это, наверное, не враки, подумала Чармейн – к собственному удивлению. Хотя я совершенно не понимаю, как им удастся меня выносить.

– Трогай! – сурово повторила тетушка Семпрония – и экипаж тронулся. Пока пони степенно шагал по улицам, тетушка Семпрония говорила: – Насколько я знаю, Чармейн, родители всегда следили, чтобы у тебя было все самое лучшее, и тебе никогда в жизни не приходилось даже пальцем о палец ударить. Готова ли ты для разнообразия обслуживать себя сама?

– Да, конечно, – искренне ответила Чармейн.

– И не только себя, но и дом, и несчастного больного старика? – не унималась тетушка Семпрония.

– Постараюсь, – ответила Чармейн. Она боялась, что, если она этого не скажет, тетушка Семпрония, чего доброго, развернет коляску и отвезет ее обратно домой.

– У тебя ведь приличное образование, не так ли? – спросила тетушка Семпрония.

– Меня даже музыке учили, – с некоторой неохотой призналась Чармейн. И поспешно добавила: – Но у меня к ней нет способностей. Так что играть дедушке Вильяму колыбельные я не смогу.

– Этого и не требуется, – заявила тетушка Семпрония и фыркнула. – Он чародей и, если захочет, наколдует себе любую колыбельную. Я пытаюсь выяснить, обучали ли тебя положенным основам магии. Должно быть, обучали, не так ли?

Чармейн показалось, что ее внутренности провалились куда-то глубоко-глубоко, прихватив с собой всю кровь от лица. Она не решилась признаться, что не смыслит в магии ни на грош. Ее родители, в особенности миссис Бейкер, полагали, что магия – это неприлично. А жили они в такой приличной части города, что в школе, где училась Чармейн, магию не преподавали. Если кому-то хотелось изучать столь вульгарное ремесло, приходилось брать частного учителя. Чармейн понимала, что за такие уроки ее родители никогда не станут платить.

– Э-э... – начала она.

К счастью, тетушка Семпрония не стала ждать ответа:

– Знаешь ли, жить в доме, полном чар, – это не шутка.

– Что вы, я никогда бы не подумала, что это шутка, – серьезно сказала Чармейн.

– Вот и хорошо, – кивнула тетушка Семпрония и откинулась на спинку сиденья.

Пони все цокал и цокал по мостовой. Они процокали по Королевской площади, мимо Королевской резиденции, которая маячила с краю, сверкая на солнце золотой крышей, потом через Рыночную площадь, куда Чармейн пускали очень редко. Она жадно глядела на прилавки, на людей, которые покупали всякую всячину и болтали, и даже обернулась, не наглядевшись, когда коляска выехала в старые кварталы. Дома здесь были высокие, ярко раскрашенные и совсем разные – чем дальше, тем вычурнее становились фронтоны и тем причудливее располагались окна, – и у Чармейн затеплилась надежда, что жизнь в доме дедушки Вильяма может оказаться весьма интересной. Однако пони все цокал и цокал – через обшарпанные бедные кварталы, а потом мимо домиков деревенского вида, а потом и вовсе вдоль полей и плетней, туда, где над дорогой нависал крутой утес и среди живых изгородей лишь изредка встречались крошечные лачужки, а горы надвигались все ближе и ближе. Чармейн начала бояться, что они сейчас выедут из Верхней Норландии в какую-нибудь соседнюю страну. Только вот в какую? В Дальнюю? В Монтальбино? Жалко, что она всегда слушала на географии вполуха.

Стоило ей об этом подумать, как кучер натянул поводья у небольшого мышино-серого домика, съездившегося за длинным и узким садом. Чармейн оглядела домик поверх низкой кованой калитки и страшно огорчилась. Она в жизни не видела таких скучных домиков. По обе стороны от коричневой входной двери были окна, и мышино-серая крыша нависала над ними, словно насупленные брови. Второго этажа, похоже, вообще не было.

– Вот мы и приехали, – бодро воскликнула тетушка Семпрония.

Она спустилась на землю, с лязгом отворила кованую калитку и возглавила шествие по дорожке к входной двери. Чармейн уныло тащилась следом, а за ней шел кучер с ее багажом. Сад по обе стороны от дорожки состоял, похоже, исключительно из гортензий – синих, голубых, бирюзовых и розовых.

– Думаю, за садом тебе ухаживать не придется, – беззаботно заметила тетушка Семпрония. Этого еще не хватало, подумала Чармейн. – Не сомневаюсь, что у дедушки Вильяма есть садовник, – добавила тетушка Семпрония.

– Надеюсь, – буркнула Чармейн.

Ее познания в садоводстве ограничивались двориком за ее собственным домом, где росли тутовое дерево и куст шиповника, а также ящиками на окнах, где мама сажала душистый горошек. Чармейн было известно, что под растениями есть земля и что в земле водятся червяки. Ее передернуло.

Тетушка Семпрония решительно стукнула дверным молотком, а затем, не дожидаясь приглашения, двинулась в дом, крича:

– Э-ге-гей! Я привезла вам Чармейн!

– От души благодарю, – отозвался дедушка Вильям.

Входная дверь вела прямо в заплесневелую гостиную, и там сидел дедушка Вильям – в заплесневелом кресле мышино-серого цвета. Рядом с ним стоял объемистый кожаный чемодан, как будто чародей и вправду приготовился к отъезду.

– Рад познакомиться, душенька, – улыбнулся дедушка Вильям.

– Здравствуйте, сударь, – учтиво отвечала Чармейн.

Не успели они сказать еще что-нибудь, как тетушка Семпрония провозгласила:

– Ну, целую и обнимаю. Поставьте багаж сюда, – сказала она кучеру.

Кучер послушно бросил вещи Чармейн у самого порога и вышел.

Тетушка Семпрония последовала за ним, прошуршав дорогими шелками и воскликнув:

– Всем до свидания!

Хлопнула входная дверь, и Чармейн с дедушкой Вильямом уставились друг на друга.

Дедушка Вильям был маленький старичок, почти совсем лысый, если не считать нескольких тоненьких серебряных завитков, уложенных на довольно-таки яйцевидной голове. Сидел он в напряженной, болезненной, неловкой позе, и Чармейн стало ясно, что он и вправду страдает. Она даже удивилась, когда поняла, что жалеет его, хотя ее раздражало, что он смотрит на нее так пристально. От этого она чувствовала себя провинившейся. К тому же нижние веки под усталыми голубыми глазами набрякли и обвисли, и было видно, какие они красные внутри, словно налились кровью. А крови Чармейн боялась так же, как и земляных червяков.

– Что ж, вы очень рослая и на вид разумная юная барышня, – проговорил дедушка Вильям. Голос у него был усталый и ласковый. – Рыжие волосы, по-моему, хороший признак... Превосходно. Как вы думаете, вы справитесь с хозяйством, пока меня не будет? К сожалению, здесь не убрано...

– Справлюсь конечно, – ответила Чармейн. Ей казалось, что, помимо плесени, в комнате очень даже чисто. – Скажите, пожалуйста, что именно я должна буду делать? – Надеюсь, я тут ненадолго, подумала она. Как только король ответит на мое письмо...

– Ничего особенного, – сказал дедушка Вильям, – обычная домашняя работа, только, разумеется, волшебная. Естественно, по большей части волшебная. Поскольку я не осведомлен, в какой степени вы владеете магией, то предпринял некоторые шаги...

Ужас-то какой, подумала Чармейн. Он считает, будто я умею колдовать!

Она собралась было перебить дедушку Вильяма и все объяснить, но тут нашлось кому перебить их обоих. Дверь с грохотом распахнулась, и в дом бесшумно вошла процессия высоких-высоких эльфов. Все они были очень по-больничному одеты в белое, и на их прекрасных лицах не было вообще никакого выражения. Чармейн глядела на них, и от их красоты, от их стати, от их бесстрастности, а главное – от их совершенного молчания ей хотелось визжать. Один из эльфов мягко отодвинул ее в сторону, и она стояла там, где ее поставили, чувствуя себя неуклюжей растрепой, а остальные плотным кольцом окружили дедушку Вильяма, склонив к нему ослепительно-белокурые головы. Чармейн не разобрала, что они сделали, но чуть ли не в мгновение ока дедушка Вильям тоже оказался одет в белый балахон, и эльфы подняли его с кресла. К его голове было непонятным образом приделано что-то вроде трех красных яблок. Чармейн увидела, что он спит.

– Э... вы забыли чемодан, – робко произнесла она, когда эльфы бережно понесли дедушку Вильяма к двери.

– Он не понадобится, – ответил один из эльфов, придерживая дверь, пока остальные выносили дедушку Вильяма на улицу.

После этого все они двинулись прочь по дорожке.

Чармейн бросилась к двери и крикнула им вслед:

– Его долго не будет?

Ей почему-то очень захотелось поскорее узнать, сколько придется тут пробыть.

– Сколько потребуется, – откликнулся один из эльфов.

И они исчезли, даже не дойдя до калитки.

Глава вторая, в которой Чармейн осматривает дом

Чармейн некоторое время глядела на опустевшую дорожку, а потом с треском захлопнула дверь.

– Ну и что мне теперь прикажете делать? – спросила она у гулкой заплесневелой комнаты.

– К сожалению, душенька, вам надо навести порядок в кухне, – раздался в воздухе усталый добрый голос дедушки Вильяма. – Приношу извинения за то, что оставил вам столько стирки. Прошу вас, откройте мой чемодан, там вы найдете более подробные указания.

Чармейн бросила взгляд на чемодан. Выходит, дедушка Вильям оставил его нарочно.

– Подождите минутку, – сказала она. – Я еще свои вещи не распаковала.

Она взяла саквояж и сумку и направилась с ними ко второй, и последней, двери. Дверь была в противоположном конце комнаты, и когда Чармейн попыталась ее открыть той же рукой, в которой держала сумку с булками, потом одной рукой, держа и сумку, и саквояж в другой, и наконец обеими руками, поставив вещи на пол, то в результате выяснила, что дверь ведет в кухню.

Некоторое время она смотрела внутрь. Потом перетащила багаж через порог – дверь тут же захлопнулась – и смотрела еще некоторое время.

– Ну и помойка, – протянула она.

Вообще-то кухня была удобная и просторная. Большое окно выходило на горы, в него лился теплый солнечный свет. К сожалению, этот солнечный свет лишь ярче очерчивал нагромождение тарелок и чашек в раковине, на сушилке и на полу возле раковины. Затем солнечный свет просочился дальше – возмущенный взгляд Чармейн последовал за ним – и позолотил два больших холщовых мешка с грязным бельем, прислоненных к раковине. Они были так туго набиты, что дедушка Вильям воспользовался ими как полочкой для стопки из грязных кастрюль, увенчанной парой сковородок.

Взгляд Чармейн переместился от раковины к столу посреди кухни. Похоже, здесь дедушка Вильям хранил весь свой запас заварочных чайников, штук тридцать, и примерно столько же молочников с несколькими соусниками в придачу. Чармейн подумала, что составлены они даже, пожалуй, аккуратно, просто их многовато для одного стола и они грязные.

– Да, видно, что вы долго болели, – недовольно уронила Чармейн, адресуясь к голосу дедушки Вильяма.

На этот раз он не ответил. Чармейн осторожно подошла к раковине – у нее возникло ощущение, будто там чего-то не хватает. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что нет кранов. Должно быть, домик стоял так далеко от города, что сюда не проложили водопровод. Посмотрев в окно, Чармейн увидела небольшой дворик, посреди которого стояла водокачка.

– Что же получается – я должна пойти туда, накачать воды, принести сюда, а дальше как?! – разозлилась Чармейн.

Она посмотрела в пустую темную топку. Было лето, поэтому, разумеется, огонь в очаге не горел и никаких дров поблизости не оказалось.

– А как мне греть воду? – продолжала Чармейн. – В грязной сковородке, да? И... и вообще, самой-то мне как мыться? Что, даже ванну не принять? У него, может, и спальни-то нормальной нет, и ванной!

Она кинулась к дверце за очагом и распахнула ее. Похоже, в доме дедушки Вильяма все двери рассчитаны на десятерых крепких мужчин, сердито подумала Чармейн. Так и чувствуешь вес наложенных на них запирательных чар. Между тем оказалось, что она смотрит в кладовку. На полках ничего не было, кроме масленки с маслом, черствой на вид буханки и боль-

шого мешка с загадочной надписью: «Кибис Каниникус», наполненного чем-то вроде мыльной стружки. А в углу громоздились еще два мешка с грязным бельем, набитые так же туго, как и те, что в кухне.

– Сейчас закричу, – посулила Чармейн. – Что я такого сделала тетушке Семпронии? Почему мама ей разрешила?!

В эту горькую минуту Чармейн прибегла к средству, которое всегда выручало ее в беде: решила уткнуться в книгу. Она подтащила два мешка к уставленному чайниками столу и села на один из двух стульев. Там она расстегнула ковровый саквояж, нацепила очки на нос и стала рыться в одежде в поисках книг, которые она дала маме, чтобы та их упаковала.

Пальцы нащупывали только мягкое. Единственный твердый предмет на поверку оказался куском мыла, спрятанным среди прочих туалетных принадлежностей. Чармейн запустила мылом в пустой очаг и стала рыться дальше.

– Нет, это просто невероятно! – сказала она. – Мама должна была положить их на самое дно, первым делом!

Она перевернула саквояж и вытряхнула все его содержимое на пол. Оттуда посыпались красиво сложенные юбки, платья, чулки, блузки, две вязаные кофточки, кружевные комбинировки и столько прочего белья, что хватило бы на год. Сверху на кучу одежды шлепнулась пара новых тапок. После этого саквояж стал пустым и плоским. Тем не менее Чармейн прощупала его изнутри и только потом отшвырнула в сторону, стряхнула очки, так что они снова повисли на цепочке, и примерилась поплакать. Миссис Бейкер *забыла* положить книги.

– Ладно, – проговорила Чармейн, немного поморгав и проглотив. – Наверное, я просто никогда раньше не уезжала из дома. В следующий раз, когда я куда-нибудь поеду, буду собираться сама и набью саквояж книгами. А сейчас как-нибудь обойдусь.

Чтобы как-нибудь обойтись, Чармейн вытряхнула вторую сумку на уставленный чайниками стол, отодвинув часть чайников в сторону. От этого четыре молочника и один чайник свалились на пол.

– Ну и пусть! – сказала им вслед Чармейн.

К некоторому ее облегчению, молочники были пустые и просто раскатились в разные стороны и чайник тоже не разбился. Он остался лежать на боку, и из носика на пол потекла струйка заварки.

– У магии, кажется, есть свои положительные стороны, – рассудила Чармейн, мрачно извлекая верхний пирожок – с мясом. Она подобрала юбки, запихала их между коленок, поставила локти на стол и со вкусом отхватила от пирожка большой утешительный кусок.

Голую правую щиколотку задело что-то холодное и дрожащее.

Чармейн застыла, не решаясь даже жевать. В этой кухне полно огромных волшебных слизняков, подумала она.

Что-то холодное ткнулось в щиколотку с другой стороны. При этом послышалось тоненькое-претоненькое поскуливание.

Чармейн очень медленно отодвинула в сторону юбки и край скатерти и посмотрела вниз. Под столом сидел невероятно маленький и взъерошенный белый песик, жалобно глядел на нее и весь дрожал. Когда он увидел, что Чармейн на него смотрит, то поднял драные белые ушки с бахромкой по краям и замолотил по полу коротким хвостиком. После чего снова тоненько заскулил.

– Ты кто такой? – спросила Чармейн. – Про собаку меня не предупреждали!

В воздухе снова раздался голос дедушки Вильяма:

– Это Потеряшка. Будьте с ним очень ласковы. Я подобрал его на улице, и он, кажется, всего боится.

Чармейн никогда не умела обращаться с собаками. Мама говорила, что они грязные и кусаются и она ни за что не потерпит собаку в доме, поэтому Чармейн побаивалась всех собак

без разбору. Но этот песик был такой маленький. Такой беленький и чистенький. И похоже, боялся Чармейн гораздо сильнее, чем Чармейн – его. Он по-прежнему весь дрожал.

– Да перестань ты трястись, – сказала Чармейн. – Я не сделаю тебе ничего плохого.

Потеряшка продолжал дрожать и жалобно глядеть на нее.

Чармейн вздохнула. Потом отломил большой кусок пирожка и протянула его Потеряшке.

– Держи, – сказала она. – Это тебе за то, что ты не слизняк.

Потеряшка повел в сторону куса блестящим черным носом. Он посмотрел на Чармейн снизу вверх, чтобы убедиться, что она не шутит, а потом очень вежливо и деликатно взял кусок пирожка в рот и съел его. Потом песик опять посмотрел на Чармейн – попросил добавки. Чармейн не ожидала, что он окажется таким вежливым. Она отломил еще кусочек. И еще. В конце концов они поделили пирожок пополам.

– Все, – сказала Чармейн, отряхивая крошки с юбки. – Постараемся растянуть эту сумку надолго: похоже, больше еды в этом доме нет. Покажи мне, Потеряшка, что делать дальше.

Потеряшка тут же засеменил к задней двери и остановился там, виляя тоненьким хвостиком и тихонько, полушепотом, поскуливая. Чармейн открыла дверь – это оказалось так же трудно, как и в прошлые два раза, – и вслед за Потеряшкой вышла во дворик, решив, будто Потеряшка намекает ей, что пора накачать воды для мытья посуды. Но Потеряшка просеменил мимо водокачки к чахлой яблоньке в углу, задрал там коротенькую лапку и пустил струйку на ствол.

– Понятно, – сказала Чармейн. – Но ведь это ты должен делать, а не я. И вообще, Потеряшка, дереву это вредно.

Потеряшка покосился на нее и забегал по дворику туда-сюда, ко всему принохиваясь и задирая лапку на пучки травы. Чармейн видела, что он чувствует себя в этом дворике как дома. Если подумать, она тоже. Здесь было тепло и спокойно – как будто дедушка Вильям наложил на дворик охранительные заклятья. Она остановилась у водокачки и заглянула через забор – на поднимавшиеся уступами горы. С вершин долетали легкие порывы ветра, они приносили с собой аромат снега и весенних цветов, и Чармейн почему-то сразу вспомнила эльфов. Она подумала, что эльфы, наверное, забрали дедушку Вильяма именно туда, в горы.

И лучше бы они поскорее его вернули, подумала она. Еще день – и я тут с ума сойду!

В углу, у стены дома, была будка. Чармейн подошла посмотреть, что это такое, бормоча про себя: «Наверно, там лопаты, цветочные горшки и все такое прочее». Но когда она сумела распахнуть неподатливую дверцу, оказалось, что внутри стоит большой медный котел с катком для белья и топкой внизу. Чармейн все внимательно рассмотрела – как рассматривают странный музейный экспонат – и наконец вспомнила, что дома в саду тоже есть похожий сарайчик. Его содержимое казалось ей таким же загадочным, как внутренность этой будки, потому что заглядывать в сарайчик ей запрещали, но она знала, что раз в неделю приходит краснорукая, багроволицая прачка и устраивает там жар и пар, после чего оттуда появляется чистое белье.

Ага. Прачечная, подумала она. Наверно, надо положить все эти мешки с бельем в бак и вскипятить их. Но как? Кажется, у меня была слишком уж беззаботная жизнь...

– И это хорошо, – сказала она вслух, вспомнив красные руки и багровое лицо прачки.

Но посуду здесь не помоешь, подумала она. И ванну не примешь. Мне что, кипятиться самой в этом баке? И где мне спать, скажите на милость?

Оставив дверь открытой для Потеряшки, Чармейн вернулась в дом, прошагала мимо раковины, мешков с бельем, стола с чайниками и груды собственной одежды на полу и рывком открыла дверь в дальней стене. За ней снова была заплесневелая гостиная.

– Безнадежно! – воскликнула Чармейн. – Где спальни? Где ванная?!

В воздухе послышался усталый голос дедушки Вильяма:

– Если вам нужны спальни и ванная, душенька, поверните налево сразу после того, как откроете дверь из кухни. Прошу вас, извините меня, если найдете, что там недостаточно чисто.

Чармейн обернулась и посмотрела в кухню через открытую дверь.

– Правда? – удивилась она. – Сейчас проверим.

Она попятилась назад в кухню и закрыла дверь перед собой. Потом снова с трудом открыла – она уже привыкла, что всегда приходится напрягаться, – и резко повернула налево, к косяку, не успев подумать, что ничего не выйдет.

Она очутилась в коридоре с открытым окном в дальнем конце. Ветер, влетавший в окно, нес с собой сильный горный аромат снега и цветов. Чармейн мельком увидела покатым зеленый склон и голубые дали, но, не теряя времени, уперлась плечом в ближайшую дверь и нажала ручку.

Дверь открылась без труда, как будто ею часто пользовались. Чармейн едва не упала – и тут ее охватило благоухание, от которого она мгновенно забыла ароматы за окном. Она застыла, задрал нос, и восторженно принохалась. Это был восхитительный, чуть затхлый запах старых книг. Да их тут сотни, поняла Чармейн, оглядев комнату. Книги стояли на полках по всем четырем стенам, высились стопками на полу, громоздились на столе – по большей части старые, в кожаных переплетах, хотя на полу виднелись и книги поновее в ярких обложках. Судя по всему, это был кабинет дедушки Вильяма.

– О-ой... – сказала Чармейн.

Не обращая внимания на вид из окна – оно выходило в сад с гортензиями, – Чармейн бросилась разглядывать книги, лежавшие на столе. Это были большие, толстые, благоуханные книги, переплеты у некоторых застегивались на металлические застёжки, как будто их было опасно открывать. Чармейн уже схватила ближайшую книгу, но тут заметила на столе лист плотной бумаги, исписанный нетвердым почерком.

«Моя дорогая Чармейн», – прочитала она и уселась в мягкое кресло за столом, чтобы прочитать остальное.

Моя дорогая Чармейн!

Благодарю Вас за то, что Вы так любезно согласились вести хозяйство в мое отсутствие. Эльфы сообщили мне, что я должен буду пробыть у них примерно две недели. (Вот уж спасибо так спасибо, подумала Чармейн.) А возможно, и месяц, если возникнут осложнения. (Ой.) Прошу Вас, простите меня за беспорядок, который Вы обнаружите. Некоторое время я был не вполне дееспособен. Однако я уверен, что Вы находчивая юная барышня и быстро здесь освоитесь. На случай возможных трудностей я оставил Вам устные указания там, где это показалось мне необходимым. Задайте вопрос, и Вы непременно получите ответ. Более сложные указания Вы найдете в чемодане. Прошу Вас, будьте ласковы с Потеряшкой, поскольку он пробыл у меня еще совсем не долго и не привык к дому, и, пожалуйста, берите любые книги в этом кабинете, кроме тех, которые уже лежат на столе, поскольку для Вас они пока еще слишком сложны и опасны. (Пф! Подумаешь!) Желаю Вам приятно провести здесь время и надеюсь, что довольно скоро смогу поблагодарить Вас лично.

С глубокой симпатией,

Ваш двоюродный прапрадедушка

(по побочной линии)

Вильям Норланд

– Конечно, по побочной линии, – вслух произнесла Чармейн. – Получается, что он двоюродный дедушка тетушки Семпронии, а она замужем за дядей Недом, который папин дядя, только он уже умер. Жалко. Я думала, вдруг мне передались его колдовские способности. – И она вежливо сказала в пространство: – Большое спасибо, дедушка Вильям.

Ответа не последовало. Ладно, подумала Чармейн, и не надо. Это же был не вопрос. И она принялась изучать книги на столе.

Толстая книга, которую она схватила первой, называлась «Книга пустоты и отсутствия». Ничего удивительного, что, когда Чармейн открыла ее, страницы оказались пустыми. Но при этом Чармейн ощущала, как каждая пустая страница словно бы мурлычет и выгибается под пальцами от скрытой магии. Чармейн поскорее положила ее на место и взяла другую, под названием «Уолл. Руководство по астромантии». Эта книга тоже не оправдала надежд, поскольку в ней в основном содержались графики из черных пунктирных линий и россыпей красных квадратиков, которые выбивались за черные линии и складывались в различные узоры, а читать было почти нечего. И все равно Чармейн смотрела на них дольше, чем ожидала. Наверное, графики были гипнотические. В конце концов Чармейн все-таки отложила книгу – не без усилия – и обратилась к «Плодотворному чародейству высшей ступени», которое ей и вовсе не понравилось. Оно было напечатано убористым шрифтом и состояло из длинных абзацев, начинавшихся почти всегда примерно так: «Если мы экстраполируем выводы из наших предыдущих работ, то получим возможность применить обобщенный подход к паратипической феноменологии...»

Нет, подумала Чармейн. Похоже, не получим.

Она отложила и эту книгу и взялась за тяжелый квадратный том на углу стола. Назывался он «Дас Цаубербух» и был написан на каком-то иностранном языке. Наверное, на ингарийском, рассудила Чармейн. Но самое интересное, что эта книга служила пресс-папье для целой стопки писем со всего мира. Чармейн долго и с неуместным любопытством изучала их и все глубже и глубже проникалась уважением к дедушке Вильяму. Почти все письма были от других чародеев, которые просили у дедушки Вильяма совета по всяким волшебным тонкостям, – очевидно, считали его большим специалистом, – или поздравляли с последними магическими открытиями. Все до единого были написаны просто кошмарным почерком. Чармейн сдвинула брови, поджала губы и поднесла к свету самое кошмарное письмо.

Дорогой чародей Норланд! (Насколько Чармейн разобрала, письмо начиналось именно так.)

Ваш труд «Важнейшие заклинания» весьма помог мне в самых разных сферах (или аферах, засомневалась Чармейн) моей деятельности, однако мне бы хотелось привлечь Ваше внимание к своему небольшому открытию, которое относится к разделу об Ухе Мердока (Оке Мерлина? Зубе Гоблина? Сдаюсь!). Не могли бы мы встретиться и поговорить, когда я в следующий раз окажусь в Верхней Норландии?

С наилучшими пожеланиями (С наихудшими переживаниями? С наибольшими упованиями?! С ума сойти, ну и почерк!),

Чародей Хоул Пендрагон

– Кошмар! Как курица лапой! – произнесла вслух Чармейн и взялась за следующее письмо.

Дорогой В-м, прочитала Чармейн с растущим удивлением и благоговением.

Мы проделали уже больше половины Большой Работы, а проку никакого. Полагаемся на тебя. Всей Душой уповаем на то, что Эльфы, которых Мы послали к тебе, сумеют вернуть тебе Здоровье и вскоре Мы сможем снова пользоваться Неоценимыми Сокровищами твоих Советов и Наставлений. Желаем тебе Всех Благ.

Твой, полный Искренних Надежд

Адольфус Рекс

Адольф, король Верхней Норландии

Значит, эльфов прислал сам король! «Ну-ка, ну-ка», – бормотала Чармейн, перетасовывая последние письма. Все они были написаны разными каллиграфическими почерками – было видно, что писавшие очень старались. И все они гласили примерно одно и то же, только разными словами: «Чародей Норланд, я мечтаю стать вашим учеником. Вы меня возьмете?» Некоторые предлагали дедушке Вильяму деньги. Один писал, что отдаст дедушке Вильяму волшебный перстень с бриллиантом, а другой... то есть другая, это была девушка, и она жалостным тоном умоляла: «Сама я не очень красивая, но сестра у меня хорошенькая, и она обещала выйти за вас, если вы согласитесь меня учить».

Чармейн поморщилась и остаток писем проглядела мельком. Очень уж они напоминали ей ее собственное письмо к королю. И толку от него столько же, подумала она. Ей было ясно, что любой прославленный чародей сразу ответит на подобные послания «нет». Она засунула письма обратно под «Дас Цаубербух» и посмотрела на остальные книги на столе. На дальнем его краю был целый ряд больших толстых книг под общим названием «Рес Магика», и Чармейн решила, что заглянет в них когда-нибудь потом. Она наугад выбрала еще две книги; одна называлась «Путь миссис Пентстеммон. Вехи истины», и Чармейн решила, что она слишком нравоучительная. Другая, у которой Чармейн отщелкнула большим пальцем металличе-

скую застежку и открыла титульный лист, именовалась «Книга Палимпсеста». Перевернув несколько страниц, Чармейн обнаружила, что на каждой из них описывались какие-нибудь чары – просто и понятно, с заголовком, где объяснялось, что эти чары делают, а ниже следовал список ингредиентов и пронумерованные по порядку указания, как их приготовить.

– Вот это я понимаю! – воскликнула Чармейн и уселась читать.

Долгое время спустя, когда Чармейн пыталась решить, что ей полезнее узнать – «Как отличить друга от врага» или «Как расширить сознание», а может быть, «Как научиться летать», – внезапно выяснилось, что ей срочно необходимо в туалет. Подобное частенько бывало с ней, когда она зачитывалась. Она вскочила, сжав коленки, и тут поняла, что именно туалет она пока что не нашла.

– Ой, а где здесь туалет? – закричала она.

Тут же, развеяв все опасения, из воздуха раздался ласковый дребезжащий голос дедушки Вильяма:

– В коридоре поверните налево, душенька, и первая дверь направо и будет ванная и туалет.

– Спасибо! – выдохнула Чармейн и бросилась бежать.

Глава третья, в которой Чармейн путает чары

Ванная развеяла опасения Чармейн не хуже ласкового голоса бабушки Вильяма. Там был потертый пол из зеленого камня и окошко, на котором трепетала занавеска из зеленого тюля. А еще там были все удобства, к которым Чармейн привыкла дома. А дома все только самое лучшее, подумала она. Более того, там были одновременно и краны, и ватерклозет. Правда, на вид ванна и краны были странные, какие-то раздутые, как будто тот, кто их устанавливал, не очень хорошо понимал, зачем они нужны; но когда Чармейн пустила из кранов воду, то удостоверилась, что оттуда, как положено, течет горячая и холодная вода, а на сушилке под зеркалом нашлись подогретые полотенца.

Может, вывалить белье из одного из мешков прямо в ванну, размышляла Чармейн. Только как потом отжимать?

Напротив ванной вдоль коридора тянулся ряд дверей, теряясь в сумрачной дали. Чармейн подошла к ближайшей и толкнула ее, решив, что она ведет в гостиную. Однако вместо гостиной за дверью оказалась спальня – судя по беспорядку, принадлежавшая бабушке Вильяму. С неприбранной постели съехали на пол белые простыни, прикрывавшие несколько разбросанных по ковру полосатых пижам. Из полуоткрытых ящиков комодов свисали сорочки, а также носки и что-то похожее на длинные кальсоны, а в открытом платяном шкафу хранилась какая-то форма, пропахшая сыростью. Под окном стояли еще два мешка, набитых грязным бельем.

Чармейн громко застонала.

– Ну да, он же так долго болел, – произнесла она, стараясь пробудить в себе сострадание. – Силы небесные, что же мне со всем этим делать?!

Постель зашевелилась.

Чармейн подпрыгнула и развернулась к ней лицом. Шевелился Потеряшка, который уютно устроился в гуде белья и выкусывал блоху. Когда он увидел, что Чармейн на него смотрит, то завилял тоненьким хвостиком, улегся на пузико, прижал потрепанные ушки и умоляюще заскулил.

– Тебе сюда нельзя, да? – спросила Чармейн. – Ну и ладно. Я же вижу, что тебе тут удобно, и ни за какие коврижки не лягу в эту кровать сама!

Она решительно вышла из спальни и открыла следующую дверь. К ее облегчению, за дверью оказалась еще одна спальня, совсем такая же, как у бабушки Вильяма, только чистенько прибранная. Постель была аккуратно застелена свежим бельем, шкаф закрыт, а когда Чармейн заглянула в комод, то обнаружила, что ящики пусты. Чармейн одобрительно кивнула спальне и открыла следующую дверь по коридору. Там была еще одна чистенькая спальня, а за ней – следующая, и все совершенно одинаковые.

Закину-ка я, пожалуй, вещи в свою комнату, решила Чармейн, а то потом никогда не пойму, которая из них моя.

Она вернулась в коридор и обнаружила, что Потеряшка слез с кровати и скребется передними лапками под дверью в ванную.

– Туда не ходи, – предупредила его Чармейн. – Там тебе делать нечего.

Однако дверь почему-то открылась сама, без участия Чармейн. За ней была кухня.

Потеряшка весело просеменил внутрь, а Чармейн снова застонала. Беспорядок никуда не делся. В кухне были и грязная посуда, и мешки с бельем, к которым теперь добавился еще и чайник, лежавший на боку в луже заварки, одежда Чармейн, грудой сваленная у стола, и большой кусок зеленого мыла в очаге.

– А я уже совсем забыла... – проговорила Чармейн.

Потеряшка оперся обеими передними лапками на нижнюю перекладину стула и с умоляющим видом выпрямился во весь свой крошечный рост.

– Опять проголодался, – определила Чармейн. – Я тоже.

Она села на стул, а Потеряшка – ей на левую ногу, и они поделили еще один пирожок. Потом они поделили фруктово-песочную корзиночку, две пышки, шесть шоколадных печений и ватрушку с заварным кремом. После этого Потеряшка довольно-таки тяжело протопал к внутренней двери, которая открылась, стоило ему поскрестись у порога. Чармейн собрала одежду в охапку и последовала за ним, намереваясь отнести свои вещи в первую пустую спальню.

Но тут все немного не заладилось. Чармейн толкнула дверь локтем и, понятно, повернула направо, чтобы попасть в коридор со спальнями. Она очутилась в полной темноте. И тут же натолкнулась на другую дверь, с громким звоном ударившись локтем о ручку.

– Уй! – сказала Чармейн, нашарила ручку и открыла дверь.

Дверь плавно и торжественно отворилась внутрь. Чармейн вошла в большую комнату, в которую лился яркий свет через полукруглые окна во всех четырех стенах, и вдохнула сырой, затхлый, кожаный запах комнаты, куда давно никто не заходил. Похоже, запах исходил от дряхлых кожаных сидений на резных креслах, расставленных вокруг большого резного стола, который занимал бо «лышую часть комнаты. Перед каждым креслом на столе лежал кожаный коврик, а на каждом коврике – ветхий листок промокательной бумаги, за исключением самого большого кресла на дальнем конце стола, на спинке кресла был вырезан герб Верхней Норландии. Перед ним на столе вместо коврика лежал короткий толстый жезл. Все это – и кресла, и столы, и коврики – было покрыто пылью, а в углах возле оконных рам висели фестоны паутины.

Чармейн ошарашенно огляделась.

– Это что, такая столовая? – спросила она. – А как отсюда попасть в спальню?

На этот раз голос бабушки Вильяма прозвучал совсем тихо, словно издали.

– Вы добрались до конференц-зала, – сказал он. – Если вы здесь, значит, вы несколько заблудились, поэтому слушайте внимательно, душенька. Один раз повернитесь по часовой стрелке. Затем, продолжая поворачиваться по часовой стрелке, откройте дверь, непременно левой рукой. Выйдите и подождите, пока дверь за вами закроется. Затем сделайте два больших шага влево. Тогда вы снова окажетесь подле ванной.

От души надеюсь, что так оно и будет, думала Чармейн, старательно выполняя указания.

Все прошло гладко, не считая момента, когда дверь закрылась и стало совершенно темно, а Чармейн обнаружила, что смотрит в совсем незнакомый каменный коридор. По коридору брел согбенный старичок и катил перед собой столик на колесах, нагруженный серебряным чайником, от которого шел пар, всяческими горшочками и соусниками, кастрюлями на спиртовках и грудой оладий. Чармейн поморгала, решила, что, если старичка окликнуть, ничего хорошего из этого не выйдет – ни для нее, ни для него, – и сделала два шага влево. И вздохнула с облегчением, снова оказавшись у двери в ванную, откуда было видно, как Потеряшка ерзает на кровати бабушки Вильяма, устраиваясь поудобнее.

– Уф! – сказала Чармейн, пошла в ближайшую пустую спальню и сгрузила охапку одежды на комод.

После этого она прошла по коридору к открытому окну в торце – и несколько минут смотрела в него на залитый солнцем зеленый склон и дышала свежим прохладным воздухом. Вылезти из этого окна проще простого, подумала она. И влезть. Но на самом деле она не любовалась зеленой травкой и не дышала воздухом. На самом деле мысли ее были поглощены той восхитительной колдовской книгой, которую она оставила открытой на столе бабушки Вильяма. Никогда в жизни Чармейн не подпускали так близко к волшебству. Соблазн был

слишком велик. Открою ее наугад и сотворю первые попавшиеся чары, решила она. Оди-единственные, и все.

В кабинете «Книга Палимпсеста» по непонятной причине была теперь открыта на чарах «Как найти себе прекрасного принца». Чармейн помотала головой и закрыла книгу.

– Кому он нужен, этот принц? – сказала она. И снова открыла книгу, проследив, чтобы ей попалась другая страница. На ней был заголовок «Как научиться летать». – Отлично! – воскликнула Чармейн. – Вот это уже по делу!

Она нацепила очки и изучила список ингредиентов.

Лист бумаги, перо (*проще простого, вот они, тут, на столе*), одно яйцо (*кухня?*), два цветочных лепестка – голубой и розовый, – шесть капель воды (*ванная*), один рыжий волос, один белый волос и две перламутровые пуговицы.

– Пара пустяков, – заявила Чармейн.

Она сняла очки и помчалась собирать ингредиенты. Сначала она поспешила в кухню – чтобы попасть туда, пришлось открыть дверь ванной и повернуться налево, и Чармейн пришла в полный восторг, когда обнаружила, что сделала все правильно, – и спросила в пустоту:

– Где тут яйца?

Ласковый голос дедушки Вильяма ответил:

– Яйца в кладовой в глиняной миске, душенька. Кажется, это за мешками с бельем. Прошу вас, извините меня за такой беспорядок.

Чармейн отправилась в кладовку и перегнулась через мешки с бельем – и действительно нашла там старое блюдо с полудюжиной бежевых яиц. Одно из них она осторожно отнесла в кабинет. Поскольку очки болтались на цепочке, Чармейн не заметила, что теперь «Книга Палимпсеста» была открыта на разделе «Как найти потерянное сокровище». Чармейн бросилась к окну, под которым очень кстати рос куст гортензии – наполовину розовый, наполовину голубой. Сорвав лепестки, Чармейн положила их рядом с яйцом и метнулась в ванную, где собрала шесть капель воды в стакан для полоскания рта. По пути обратно она перебежала через коридор в спальню дедушки Вильяма, где на одеяле, похожий издали на большую белую меренгу, свернулся Потеряшка.

– Прошу прощения, – сказала Чармейн и запустила пальцы в его взъерошенную белую спину.

Оттуда она извлекла изрядное количество белых волосков, один из которых положила рядом с лепестками и добавила туда рыжий волосок с собственной головы. Что же касается перламутровых пуговиц, их она попросту оторвала с блузки.

– Отлично, – сказала она и торопливо нацепила очки, чтобы прочитать указания.

Теперь «Книга Палимпсеста» была открыта на разделе «Как защититься от покушений», но Чармейн так разволновалась, что ничего не заметила. Она прочитала только инструкции, состоявшие из пяти пунктов. Пункт первый гласил: «Положить все ингредиенты, кроме пера и бумаги, в подходящую емкость».

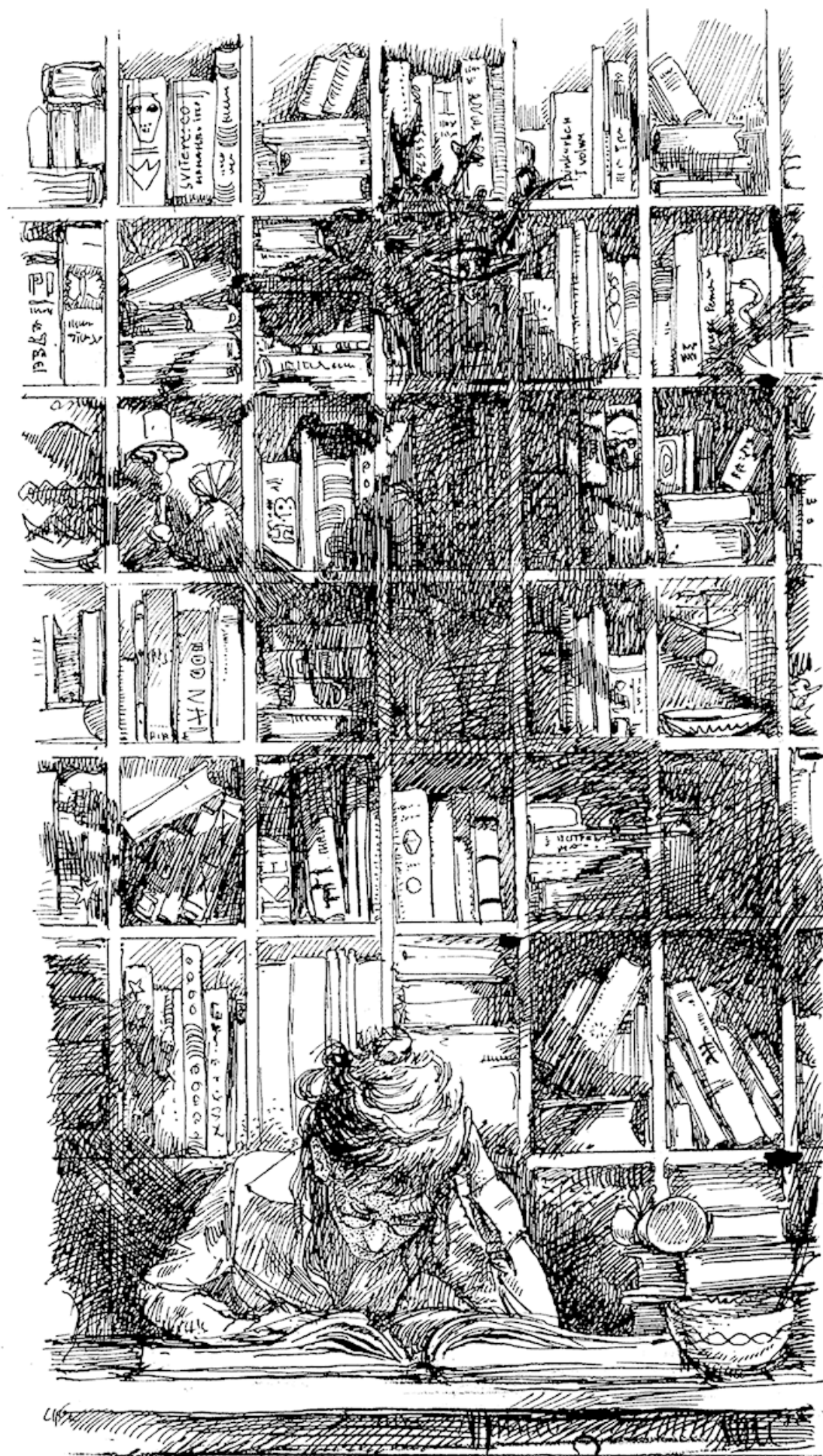
После того как Чармейн сняла очки, внимательно оглядела комнату и не нашла никакой емкости, ни подходящей, ни неподходящей, ей пришлось снова покинуть кабинет. Пока ее не было, «Книга Палимпсеста» лениво и коварно перевернула еще парочку страниц. Когда Чармейн вернулась с сахарницей с прилипшими остатками сахара на дне – остальной сахар она вывалила на почти что чистую тарелку, – «Книга» была открыта на разделе «Как усилить свой магический потенциал».

Чармейн ничего не заметила. Она поставила сахарницу на стол и бросила в нее яйцо, два лепестка, два волоска и две свои пуговицы, а сверху осторожно накапала воды. Потом она нацепила очки и наклонилась над книгой, чтобы разобраться, что делать дальше. К этому вре-

мени «Книга Палимпсеста» уже рассказывала, «Как стать невидимкой», но Чармейн глядела только на рецепт и этого не увидела.

Пункт второй предписывал: «Смешать все ингредиенты, пользуясь исключительно пером».

Размешать яйцо пером не так-то просто, но Чармейн справилась с поставленной задачей, хотя сначала ей пришлось долго-долго тыкать в яйцо заточенным концом, пока скорлупа не раскололась на мелкие кусочки, потом размешивать его с такой силой, что волосы растрепались и рыжими прядями свесились на лицо, и, наконец, когда стало ясно, что однородной смеси не получится, взболтать ее обратным концом пера. Когда Чармейн наконец выпрямилась, отдуваясь, и липкими пальцами отбросила волосы, «Книга» украдкой перевернула еще одну страницу. Теперь она подсказывала, «Как разжечь огонь», но Чармейн была поглощена тем, что старалась не замазать яйцом очки. Она надела их и изучила Пункт третий. Пункт третий этого заклинания гласил: «Трижды пропеть „Гегемония гауда“».

– Гегемония гауда, – прилежно пропела Чармейн над сахарницей.

Ей показалось – хотя она не была уверена, – будто при последнем повторении кусочки скорлупы вокруг пуговиц немного заколыхались. Вроде бы действует, в восторге подумала она. Потом поправила очки на носу и прочитала Пункт четвертый. К этому времени она читала Пункт четвертый чар под названием «Как подчинять предметы своей воле».

«Взять перо, – говорилось в книге, – подготовленной смесью написать на бумаге слово „ЫЛФ“ и начертить вокруг него пятиугольник. Ни в коем случае не касаться бумаги руками».

Чармейн взяла намокшее липкое перо, украшенное кусочками скорлупы и обрывком розового лепестка, и сделала все, что могла. Писать смесью было нелегко, к тому же никак не удавалось удержать бумагу на месте. Бумага скользила, бумага елозила, а Чармейн макала перо в смесь и процарапывала буквы, и слово «ЫЛФ» получилось клейкое и еле различимое и корявое и было похоже на «МУХ», потому что рыжий волосок из сахарницы зацепился за кончик пера и окружил буквы затейливыми росчерками. Что до пятиугольника, когда Чармейн пыталась его начертить, бумага съехала в сторону, поэтому самое большее, что можно было о нем сказать, – да, в нем было пять углов. Заканчивалась линия страшноватой желтковой кляксой с торчащим из нее собачьим волоском.

Чармейн перевела дух, приклеила выбившиеся пряди к голове рукой, которая стала уже совсем липкой, и прочитала последний Пункт – пятый. Это был Пункт пятый чар «Как добиться исполнения желаний», но Чармейн ужасно устала и ничего не заметила. Там значилось: «Положить перо обратно в емкость, трижды хлопнуть в ладоши и произнести: „Так-с“».

– Так-с! – произнесла Чармейн, трижды громко хлопнув в липкие ладоши.

Что-то у нее определенно получилось. Бумага, сахарница и перо растворились в воздухе, тихо и бесследно. То же самое произошло и почти со всеми липкими потеками на столе дедушки Вильяма. «Книга Палимпсеста» закрылась с резким хлопком. Чармейн попятилась, отряхивая с ладоней ошметки, – она выбилась из сил и была порядком обескуражена.

– Значит, я теперь умею летать, – проговорила она. – Ну-ка, где можно попробовать?

Ответ был очевиден. Чармейн вышла из кабинета и направилась к концу коридора, где поджидало ее открытое окно, выходившее на покатый зеленый склон. Подоконник был низкий и широкий – как будто специально созданный, чтобы через него перелезть. В считанные секунды Чармейн оказалась за окном на вечернем солнце и вдохнула холодный чистый горный воздух.

Она очутилась высоко в горах, и большая часть Верхней Норландии простиралась далеко внизу, уже подернутая вечерней синевой. Напротив, залитые оранжевым закатным светом и обманчиво близкие, высились снежные вершины, отделявшие родную страну Чармейн от Дальнии, Монтальбино и прочей заграницы. Позади тоже были горы – над ними грозно собирались темные серые и багровые тучи. Там скоро прольется дождь – в Верхней Норландии частенько шел дождь, – но пока было тепло и тихо. На соседнем лугу, под какой-то скалой, паслись овцы, а где-то неподалеку раздавалось мычание стада коров и звяканье колокольчиков. Поглядев туда, Чармейн даже немного испугалась: коровы расположились чуть выше по склону, а дом дедушки Вильяма вместе с окном, из которого она только что вылезла, бесследно исчез.

Чармейн решила не переживать по этому поводу. Ей еще никогда не доводилось бывать так высоко в горах, и от этой красоты у нее закружилась голова. Трава под ногами была зеленее любого городского газона. Она источала аромат свежести. Чармейн присмотрелась и обнаружила, что аромат исходит от сотен, тысяч крошечных изящных цветов, которые прятались в траве у самой земли.

– Ух, везет же вам, дедушка Вильям! – воскликнула Чармейн. – Прямо рядом с кабинетом!

Некоторое время она блаженно гуляла по лугу, обходя деловито жужжавших пчел, и собирала себе букет – по одному цветку каждого вида. Она сорвала крошечный алый тюльпан, потом белый, потом цветок, похожий на золотую звездочку, миниатюрный махровый мак, лимонный лютик, фиолетовый флокс, оранжевую орхидею и по одному цветку из густых зарослей – розовых, белых и желтых. Но больше всего ее восхитили голубые колокольчики – такие пронзительно-голубые, что она и представить себе не могла подобной голубизны. Чармейн подумала, что это горечавки, и собрала не один цветок, а несколько. Очень уж они были маленькие, изысканные, голубые. При этом Чармейн понемногу уходила по склону вниз, туда, где виднелся какой-то обрыв. Она решила прыгнуть с него и проверить, научили ли ее чары летать.

Она добрела до обрыва как раз тогда, когда цветы перестали помещаться в руках. На каменистом краю росли еще шесть разновидностей, однако их пришлось оставить. Но тут Чармейн забыла о цветах – и стала смотреть.

Обрыв был высотой в полгоры. Далеко-далеко внизу, у дороги, которая отсюда казалась ниточкой, виднелся дом дедушки Вильяма – крошечная серая коробочка, окруженная пышным садом. Были там и другие домики, так же далеко, разбросанные вдоль дороги, и в них зажигались малюсенькие оранжевые искорки окон. Все это было в такой дальней дали, что у Чармейн пересохло во рту и слегка задрожали коленки.

– Отложу-ка я пока упражнения по летанию, – проговорила она. А подавленный внутренний голос уточнил: как же мне теперь отсюда слезть?!

Сейчас мы об этом думать не будем, отрезал другой внутренний голос. А будем любоваться пейзажем.

Ведь сверху ей было видно почти всю Верхнюю Норландию! За домом дедушки Вильяма долина сужалась в зеленую седловину, сверкающую белыми водопадами там, где через перевал можно было попасть в Монтальбино. В противоположной стороне, за выступом горы, на которой сейчас стояла Чармейн, ниточка дороги сливалась с более извилистой ниточкой реки, и они петляли среди крыш, башен и бастионов Норланда. Там тоже загорались огоньки, но Чармейн еще различала матовый блеск прославленной золотой кровли Королевской резиденции, трепещущий над ней флаг – и даже, кажется, родительский дом позади. Все это было не так уж далеко. Чармейн даже удивилась, когда увидела, что дом дедушки Вильяма на самом деле стоит у самой окраины города.

За городом долина простиралась до самого горизонта. Там было светлее – туда не дотягивались тени гор, – и долина растворялась в сумерках, пронизанных оранжевыми точками огней. Чармейн видела продолговатые, горделивые очертания Кастель-Жуа, где жил кронпринц, и какого-то другого замка, о котором она и не слышала. Он был высокий и темный, и из угловой башни у него валил дым. Дальше начинались еще более голубые дали, полные ферм, деревень и фабрик, составлявших сердце страны. За всем этим Чармейн различила даже море – туманное, бледное.

Получается, страна у нас совсем небольшая, подумала она.

Однако додумать эту мысль ей помешало громкое жужжание, донесшееся из охапки цветов, которую она держала. Чармейн поднесла охапку к лицу, чтобы посмотреть, что это жужжит. Здесь, на склоне, солнце сияло по-прежнему ярко – и при этом ярком свете Чармейн разглядела, что одна из ее голубеньких горечавок шевелится, дрожит и жужжит. Наверное, Чармейн случайно сорвала цветок с пчелой внутри. Чармейн опустила букет и встряхнула его. На траву к ее ногам вывалилось что-то лиловое и шевелящееся. Оно было не похоже на пчелу и не улетело, как улетела бы пчела, а сидело на траве и жужжало. Жужжало и росло. Чармейн испуганно отступила на шаг по краю обрыва. Существо стало уже больше Потеряшки и продолжало расти.

Мне это не нравится, подумала Чармейн. Что это такое?!

Не успела она двинуться с места и даже подумать еще что-нибудь, как существо рывком выросло в два человеческих роста. Оно было темно-лиловое и похоже на человека, но не человек. На спине у него крепились прозрачные лиловые крылышки, которые трепетали так быстро, что их было не разглядеть, а лицо у него... Чармейн была вынуждена отвести взгляд. Это было лицо насекомого, со всякими жвалами, хваталками, усиками, антеннами и вытаращенными глазами, в каждом из которых было не меньше шестнадцати маленьких глазок.

– Ой, мамочки! – прошептала Чармейн. – Да это же лаббок!

– Да, я и есть лаббок, – объявило существо. – Я лаббок, я хозяин здешних мест.

О лаббоках Чармейн слышала. В школе рассказывали про них всякие истории – и все как одна неприятные. Если встретишь лаббока, говорили все, остается только одно – вести себя очень вежливо и уповать на то, что удастся унести ноги, пока тебя не ужалили и не съели.

– Извините, пожалуйста, – произнесла Чармейн. – Я не знала, что это ваш луг, иначе, конечно, не пошла бы сюда.

– Здесь все мое, куда ни шагни, – прорычал лаббок. – Все земли, которые ты видишь, мои.

– Что? Вся Верхняя Норландия? – удивилась Чармейн. – Глупости!

– Я никогда не говорю глупостей, – сказала существо. – Все мое. Ты моя. – Крылья зашевелились еще быстрее, и существо двинулось на нее – вместо ступней у него были какие-то жилистые наросты, ужасно неестественные. – Уже очень скоро я приду и заявлю права на свое имущество. Прежде всего я заявляю права на тебя. – Лаббок с жужжанием шагнул к Чармейн. Протянул к ней руки. И длинное жало, которое выдвинулось из нижней части его лица. Чармейн завизжала, отскочила – и упала с края обрыва, рассыпав цветы.

Глава четвертая, где говорится о Ролло, Питере и загадочных переменах с Потеряшкой

Чармейн слышала, как лаббок испустил скрипучий вопль досады, но еле различила его, так громко свистел в ушах ветер. Она видела, как мелькает мимо отвесная скальная стена. Чармейн кричала и кричала.

– Ылф! ЫЛФ! – голосила она. – Ой, мамочки! Ылф! Я же только что сотворила летательные чары! Почему они не действуют?!

Чары, однако же, действовали. Чармейн это поняла, когда камни перед ней перестали мчаться вверх и начали сначала скользить, потом плестись, потом красться. На миг она зависла в воздухе – как раз над гигантскими острыми камнями в ущелье под обрывом.

Может, я уже умерла, подумала она.

Потом она сказала: «Какая чушь!» – и, бешено брыкаясь и размахивая руками, сумела в конце концов перевернуться. И увидела дом бабушки Вильяма – по-прежнему далеко внизу в сумерках и примерно в четверти мили по земле.

– Парить очень приятно, – заметила Чармейн, – но как же мне двигаться?

Тут она вспомнила, что у лаббока есть крылья, а значит, он, вероятно, сейчас летит с обрыва за ней. После этого она уже не стала задаваться вопросом, как ей двигаться. Она сама не заметила, как сильно оттолкнулась ногами и спланировала к дому бабушки Вильяма. Ей удалось проскочить над крышей и садом, но там чары ослабли. Чармейн едва успела дернуться в сторону, чтобы оказаться над аккуратной булыжной дорожкой, и со стуком села на нее, дрожа с головы до ног.

Спаслась, подумала Чармейн. Почему-то у нее не было никаких сомнений, что во владениях бабушки Вильяма ей ничего не грозит. Она это чувствовала.

Передохнув немного, Чармейн сказала:

– Уф! Ну и денек! А я ведь ничего не прошу, кроме хорошей книжки, и пусть дадут почитать спокойно!.. А все эта тетя Семпрония – просто зла не хватает!

Кусты у нее за спиной зашуршали. Чармейн отпрыгнула в сторону и едва не завизжала в очередной раз, потому что гортензии раздвинулись и на дорожку выпрыгнул маленький синий человечек.

– Ты, что ли, тут заправляешь? – спросил этот синий коротышка резким писклявым голосом.

Даже в сумерках человечек был несомненно синим, а не темно-лиловым, и без крыльев. Лицо у него покрывали морщины – следствие склочного характера, – к тому же его почти целиком заслонял мощный нос, но это было именно человеческое лицо, а не голова насекомого. Чармейн перестала бояться.

– Вы кто? – спросила она.

– Кобольд, естественно, – отвечал человечек. – Верхняя Норландия – страна кобальдов. Я тут садовничаю.

– По ночам? – удивилась Чармейн.

– Мы, кобальды, днем не ходим, – сказал маленький синий человечек. – Я спрашиваю – ты тут заправляешь?

– Ну да, – сказала Чармейн. – Вроде того.

– Так я и думал, – удовлетворенно кивнул кобальд. – Видел, как Долговязые утащили колдуна. Ну чего, хочешь, состригу все эти гортензии, а?

– Зачем? – снова удивилась Чармейн.

– Меня хлебом не корми – дай что-нибудь состричь, – пояснил кобольд. – В садоводстве стрижка – самый смак.

Чармейн, которая никогда в жизни не задумывалась над вопросами садоводства, взвесила его слова.

– Нет, – сказала она. – Дедушка Вильям не стал бы их разводить, если бы они ему не нравились. Он скоро вернется и, наверное, расстроится, если увидит, что их состригли. Может быть, вы сделаете все, что положено делать каждую ночь, и посмотрите, что он скажет, когда вернется?

– Он-то, конечно, скажет «нет», – угрюмо отозвался кобольд. – Вечно он все удовольствие портит, колдун этот. Ну чего, по обычному тарифу или как?

– А какой ваш обычный тариф? – спросила Чармейн.

– Горшок золота и дюжина свежих яиц, – немедленно ответил кобольд.

К счастью, тут из воздуха послышался голос дедушки Вильяма:

– Я плачу Ролло пинту молока каждую ночь, душенька, ее доставляют по волшебству. Вам не нужно этим заниматься.

Кобольд с отвращением сплюнул на дорожку:

– А я что говорю? Все удовольствие испортил! И вообще, много я успею сделать, если ты будешь всю ночь тут на дорожке рассиживаться!

Чармейн надменно проронила:

– Я просто отдыхала. А теперь ухожу. – Она поднялась на ноги – все тело было подозрительно тяжелое, к тому же коленки подкашивались, – и зашаркала по дорожке к входной двери. Наверняка заперто, подумала она. Красиво же я буду выглядеть, если не смогу попасть в дом.

Дверь резко распахнулась, не успела она дойти до крыльца, и наружу неожиданно-негаданно вырвался свет, а вместе со светом – крошечная попрыгучая фигурка Потеряшки, который тьякал, вилял хвостиком и весь извивался от восторга, что снова видит Чармейн. Чармейн была так рада, что вернулась домой и ее здесь ждут, что подхватила Потеряшку на руки и внесла внутрь, а песик крутился, вертелся и все норовил лизнуть ее в подбородок.

В доме выяснилось, что свет следует за ней везде по волшебству.

– Отлично, – вслух сказала Чармейн. – Не придется охотиться за свечками.

Мысли ее при этом метались в панике: я же не закрыла окно! Вдруг сюда пролез лаббок? Чармейн выпустила Потеряшку на кухонный пол и метнулась в дверь налево. В коридоре горел яркий свет, и она промчалась до самого конца и захлопнула окно. К несчастью, из-за света в доме казалось, что на лугу совсем темно, и, сколько Чармейн ни вглядывалась сквозь стекло, было непонятно, там лаббок или нет. Чармейн утешала себя мыслью, что когда она была на лугу, то окна не видела, но все равно дрожала с ног до головы.

Она все дрожала и дрожала и не могла остановиться. Она дрожала, пока шла обратно в кухню, и дрожала, когда делила с Потеряшкой пирог со свининой, – а потом стала дрожать пуще прежнего, потому что чайная лужа растеклась под стол и Потеряшка снизу стал весь мокрый и коричневый. Стоило Потеряшке подобраться поближе к Чармейн, как и на ней то там, то сям появлялись чайные пятна. В конце концов Чармейн сняла блузку – она все равно распахнулась на груди, потому что на ней не хватало пуговиц, – и вытерла ею чайную лужу. От этого Чармейн, конечно, задрожала еще сильнее. Она сходила за толстым шерстяным свитером, который положила ей миссис Бейкер, и закуталась в него, но дрожала по-прежнему. Надвигавшийся дождь наконец начался. Он хлестал в окно и барабанил в печной трубе, и Чармейн задрожала еще больше. Она решила, что это, наверное, от потрясения, но ей все равно было холодно.

– Ох! – воскликнула она. – Дедушка Вильям, как мне разжечь очаг?

– Мне представляется, чары на месте, – раздался в воздухе ласковый голос. – Бросьте в очаг что-нибудь горячее и скажите: «Огонь, гори!» – и все загорится.

Чармейн огляделась в поисках чего-нибудь горячего. На столе рядом с ней стояла сумка, но в ней еще оставался второй пирог со свининой и штрудель с яблоками, и вообще это была красивая сумка – миссис Бейкер расшила ее цветами. Конечно, в кабинете дедушки Вильяма нашлась бы бумага, но туда ведь надо было еще идти... В мешках у раковины было белье, но Чармейн ни капельки не сомневалась, что дедушка Вильям не одобрит, если его бельем затопят очаг. С другой стороны, была же ее собственная блузка – грязная, вся в заварке и без двух пуговиц, она валялась на полу у ног Чармейн.

– Все равно ее уже не отстираешь, – решила Чармейн. Она взяла мокрый коричневый ком и бросила в очаг. – Огонь, гори, – велела она.

В очаге вспыхнуло пламя. Первые две-три минуты огонь полыхал весело-превесело, о таком можно было только мечтать. Чармейн вздохнула от удовольствия. Но только она передвинула стул поближе к теплу, как огонь превратился в клубы шипящего пара. Потом среди клубов пара поднялась и запузырилась пена. Пузыри были большие и маленькие, они переливались всеми цветами радуги и все лезли и лезли из очага в трубу и в кухню. Они толкались в воздухе, оседали на всем подряд, летели Чармейн в лицо и лопались там с нежным чмоканьем – и все прибывали и прибывали. В считанные секунды в кухне забушевала кипящая и бурлящая паровая буря – Чармейн было от чего ахнуть.

– Я забыла про мыло! – пытаясь от внезапной банной жары, воскликнула Чармейн.

Потеряшка решил, что пузыри ополчились против него лично, и полез прятаться под стул Чармейн, бешено таякая и рыча, когда пузыри лопались. У них это получалось на удивление громко.

– Да тише же! – сказала Чармейн. По лицу у нее струился пот, а волосы, рассыпавшиеся по плечам, промокли от пара. Она отмахнулась от стайки пузырей и добавила: – По-моему, пора раздеваться.

Кто-то постучался в заднюю дверь.

– А может быть, и не пора, – произнесла Чармейн.

Неизвестный гость снова постучал в дверь. Чармейн осталась сидеть на месте, от души надеясь, что это не лаббок. Но когда стук раздался в третий раз, она все-таки поднялась и двинулась сквозь пенные вихри поглядеть, кто это. Наверное, Ролло хочет укрыться от дождя, предположила она.

– Кто там? – закричала она через дверь. – Что вам нужно?

– Войти в дом! – прокричал в ответ голос снаружи. – Здесь льет как из ведра!

Кто бы там ни был, голос звучал молодо, а не грубо, как у Ролло, и не с жужжанием, как у лаббока. К тому же Чармейн слышала шум дождя даже сквозь шипение пара и неумолчное нежное чмоканье лопающихся пузырей. Впрочем, ее могли и обманывать.

– Впустите меня! – завопили снаружи. – Чародей меня ждет!

– Неправда! – крикнула Чармейн.

– Я написал ему письмо! – проорал гость. – Мама *договорилась*, что я приеду! Вы не имеете права держать меня на крыльце!

Засов на двери ходил ходуном. Чармейн успела только ухватиться за него обеими руками, чтобы удержать на месте, – но тут дверь все равно распахнулась, и в дом вошел мокрый юноша. Промок он до нитки. Его волосы, вероятно кудрявые, свисали на круглое детское лицо коричневыми сосульками, и с них капало на пол. Добротная куртка и практичные штаны были черные и блестящие от воды, и большой ранец за плечами тоже. В ботинках хлюпало при каждом шаге. Не успел юноша оказаться внутри, как от него повалил пар. Он стоял и смотрел на набегающие пузыри, на Потеряшку, который все таякал из-под кресла, на Чармейн, которая вцепилась в свитер и глядела на него сквозь рыжие пряди, на горы грязной посуды, на уставленный чайниками стол. Потом взгляд его переместился на мешки с бельем, и это, похоже, его доконало. Он разинул рот и застыл на месте, глядя на все сразу и тихонько источая пар.

Секунду спустя Чармейн протянула руку и схватила юношу за подбородок, где росло несколько жестких волосков: юноша был старше, чем казался. Она подтолкнула подбородок вверх, и рот у гостя захлопнулся.

– Ты дверь не закроешь? – спросила она.

Юноша обернулся и увидел, что в кухню хлещет дождь.

– А, конечно, – сказал он. И навалился на дверь. – Что тут делается? – спросил он. – Ты тоже ученица чародея?

– Нет, – ответила Чармейн. – Я присматриваю за хозяйством, пока чародея нет. Понимаешь, он заболел, и эльфы забрали его лечить.

Юноша был явно расстроен:

– Он не предупредил, что я приду?

– Он меня ни о чем не успел предупредить, – отозвалась Чармейн. Ей вспомнилась кипа писем под «Дас Цаубербух». Наверное, одну из отчаянных просьб взять в ученики прислал этот юноша, но Потеряшка своим твяканьем не давал додумать эту мысль до конца. – Потеряшка, да замолчи ты! Как тебя зовут?

– Питер Регис, – ответил гость. – Моя мама – Монтальбинская Ведьма. Они с Вильямом Норландом близкие друзья, вот она и устроила, что я буду у него учиться. Песик, помолчи, пожалуйста. Я здесь по праву.

Он стянул мокрый ранец и бросил его на пол. Потеряшка повременил с гавканьем, чтобы совершить вылазку из-под кресла и понюхать ранец – вдруг он опасный. Питер взял стул и повесил на него мокрую куртку. Рубашка под ней была примерно такая же мокрая.

– А тебя? – спросил он, глядя на Чармейн сквозь завесу пузырей.

– Чармейн Бейкер, – сказала Чармейн и пояснила: – Мы называем чародея дедушкой Вильямом, но на самом деле он родственник тетюшки Семпронии. Я живу в Норланде. А ты откуда? Почему ты стучался в заднюю дверь?

– Я пришел из Монтальбино пешком, – ответил Питер. – Если хочешь знать, я заблудился, когда хотел срезать напрямик с перевала. Я здесь уже бывал один раз, когда мама договаривалась с Вильямом Норландом, что он возьмет меня в ученики, но, наверное, плохо запомнил дорогу. Ты тут давно?

– С утра, – сказала Чармейн, несколько удивленная тем, что, оказывается, не пробыла у дедушки Вильяма и суток. Ей казалось, она торчит здесь уже несколько месяцев.

– А, ясно. – Питер посмотрел сквозь завесу пузырей на чайники, как будто прикидывал, сколько чашек чаю Чармейн успела выпить. – А по виду кажется – несколько месяцев.

– Когда я приехала, тут все так и было, – ледяным тоном отвечала Чармейн.

– Правда? И пузыри тоже? – поинтересовался Питер.

По-моему, этот мальчишка мне не нравится, подумала Чармейн.

– Нет, – сказала она. – Пузыри – это я. Я забыла, что бросила мыло в очаг.

– А, – сказал Питер. – А я подумал, что это какие-то чары не заладились, вот и решил, что ты тоже ученица. Ну, тогда надо просто подождать, когда мыло прогорит. У тебя не найдется чего-нибудь поесть? Умираю с голоду.

Чармейн с неохотой глянула на сумку на столе. И быстро отвела взгляд – ей было жалко делиться припасами.

– Нет, – ответила она. – Ничего нет.

– Чем же ты собираешься кормить собаку? – спросил Питер.

Чармейн посмотрела на Потеряшку, который опять спрятался под стул, чтобы облаять ранец Питера из укрытия.

– Ничем, он только что съел пирог со свининой, – сказала она. – И вообще он не мой. Он бездомный, и дедушка Вильям взял его к себе. Его зовут Потеряшка.

Потеряшка все лаял.

– Помолчи, Потеряшка, – сказал Питер, разогнал вертящиеся пузыри, приподнял мокрую куртку и полез под стул, где засел Потеряшка. Он умудрился вытащить песика и выпрямился, зажав его в охапке вниз головой. Потеряшка протестующе завизжал, замахал всеми четырьмя лапами и поджал облезлый хвостик. Питер отодвинул хвостик в сторону.

– Ты ущемляешь его достоинство! – сказала Чармейн. – Отпусти его!

– Это не он, – отозвался Питер. – Это она. И никакого достоинства у нее нет – правда, Потеряшка?

С этим Потеряшка явно не могла согласиться – она вывернулась из рук Питера и шлепнулась на стол. На пол упал очередной чайник, а сумка Чармейн покосилась набок. К крайнему смятению Чармейн, оттуда вывалились и пирог со свиной начинкой, и штрудель.

– Ой, замечательно! – воскликнул Питер и выхватил пирог со свиной начинкой из-под самого носа Потеряшки. – У тебя что, больше никакой еды нет? – спросил он и откусил большой кусок.

– Нет, – сказала Чармейн. – Это было на завтрак. – Она подняла упавший чайник. Вылившаяся оттуда заварка уже успела превратиться в коричневые пузыри, которые взмыли вверх и коричневой струйкой закрутились среди прочих. – Посмотри, что ты натворил.

– Подумаешь, тут и так беспорядок, – отмахнулся Питер. – Ты что, никогда не прибираешь? Отличный пирог. А второй с чем?

Чармейн поглядела на Потеряшку, которая сидела возле штруделя с одухотворенным видом.

– С яблоками. Если будешь его есть, тебе придется поделиться с Потеряшкой.

– Это такое правило? – спросил Питер, проглотив последний кусок пирога со свиной начинкой.

– Да, – ответила Чармейн. – Потеряшка его установил... установила и следит, чтобы оно выполнялось.

– Значит, она волшебная? – предположил Питер и взялся за штрудель.

Потеряшка снова принялась просительно поскуливать и забегала между чайников.

– Не знаю... – начала Чармейн. Потом она вспомнила, как ловко Потеряшка умеет ходить по всему дому и как быстро перед ней недавно распахнулась входная дверь. – Да, – сказала она. – Да, конечно. Очень-очень волшебная.

Питер медленно и неохотно отломил от штруделя кусочек. Облезлый хвостик Потеряшки завилял, глазенки следили за каждым движением Питера. Казалось, собачка прекрасно понимает, что Питер делает, хотя пузыри и ограничивали ей обзор.

– Ясно, – сказал Питер и протянул кусочек Потеряшке. Потеряшка деликатно взяла его в зубы, прыгнула со стола на стул, а оттуда на пол и засемила прочь, чтобы съесть добычу где-то за мешками с грязным бельем. – Как насчет чашки горячего чаю? – спросил Питер.

Чашка горячего чаю – об этом Чармейн мечтала с тех самых пор, как свалилась с обрыва. Она задрожала и поплотнее завернулась в свитер.

– Было бы кстати, – сказала она. – Вот сам и сделай, если знаешь как.

Питер отогнал пузыри в сторону и осмотрел чайники на столе.

– Кто-то же все это заваривал, – заметил он.

– Наверное, дедушка Вильям, – отозвалась Чармейн. – Не я.

– Следовательно, это возможно, – напирал Питер. – Не стой столбом с беспомощным видом, найди кастрюлю или что-нибудь в этом роде.

– Вот сам и ищи, – буркнула Чармейн.

Питер наградил ее презрительным взглядом, зашагал по кухне, отмахиваясь от пузырей, и наконец наткнулся на битком набитую раковину. Там он, естественно, сделал все те же открытия, что и Чармейн.

– Тут нет кранов! – поразился он. – А все кастрюли грязные. Где же он берет воду?

– В саду есть водокачка, – беспощадно ответствовала Чармейн.

Питер поглядел за пелену пузырей в окно, где по стеклам все еще струился дождь.

– Здесь что, нет ванной? – спросил он. И не успела Чармейн объяснить, как туда попасть, как он махнул рукой, пробрался через кухню ко второй двери и оказался в гостиной. Пузыри ринулись за ним, и он сердито отскочил обратно в кухню.

– Что за шуточки?! – изумился он. – Не может быть, чтобы у него было всего две комнаты!

Чармейн вздохнула, еще плотнее завернулась в свитер и отправилась показывать дорогу.

– Открой дверь еще раз и поверни налево, – объяснила она, после чего ей пришлось схватить Питера за рукав, потому что он повернул направо. – Нет. Так попадаешь в какое-то очень странное место. Налево – это сюда. Ты что, право и лево не различаешь?

– Нет, – признался Питер. – Никогда не умел. Обычно приходится обвязывать палец бечевкой.

Чармейн закатила глаза к потолку и подтолкнула Питера влево. Они оказались в коридоре, где стоял страшный шум, потому что в окно в торце хлестал дождь. Постепенно в коридоре посветлело, и Питер огляделся.

– Теперь поворачивай направо, – сказала Чармейн и пихнула его в нужном направлении. – Вот тебе дверь в ванную. Остальные – в спальни.

– Ух ты! – восхитился Питер. – Он искривил пространство! Скорей бы и мне научиться! Спасибо! – добавил он и ринулся в ванную. Чармейн на цыпочках двинулась в кабинет, а вслед ей неслись возгласы Питера: – Замечательно! Краны! Вода!

Чармейн юркнула в кабинет дедушки Вильяма и закрыла за собой дверь, а между тем затейливо выгнутая лампа на столе зажглась и стала разгораться. Когда Чармейн подошла к столу, там было светло почти как днем. Чармейн отпихнула «Дас Цаубербух» в сторону и схватила лежавшую под книгой кипу писем. Надо было проверить. Если Питер говорит правду, значит, одно из писем с просьбой поступить в ученики к дедушке Вильяму – от него. Поскольку раньше Чармейн просмотрела их по диагонали, она не запомнила, видела ли именно это письмо, а если именно этого письма там нет, значит, она имеет дело с самозванцем, возможно, еще с одним лаббоком. Это надо было уточнить.

Ага! Вот оно, в середине кипы. Чармейн нацепила очки и прочитала:

Уважаемый чародей Норланд!

Что касается моего поступления к Вам в ученики, удобно ли будет, если я прибуду к Вам в течение недели, а не осенью, как было условлено ранее? Моя мать вынуждена поехать в Ингарию и предпочитает устроить мое будущее до отъезда. Если Вы не уведомите меня об обратном, я прибуду к Вам тринадцатого числа сего месяца.

С надеждой, что это Вас устроит,

Искренне Ваши

Питер Регис

Выходит, тут все правильно, подумала Чармейн не то с облегчением, не то с досадой. Должно быть, когда она просматривала письма в первый раз, глаз выхватил только слова «в ученики» сверху страницы и «с надеждой» в низу, а эти слова были во всех письмах до единого. Похоже, дедушка Вильям поступил точно так же. А может, так плохо себя чувствовал, что не мог ответить. Так или иначе, теперь Чармейн придется иметь дело с Питером. Вот гадость! Хорошо хоть он не страшный, подумала она.

Тут ее отвлек донесшийся издали взволнованный вопль Питера. Чармейн как попало записала письма под «Дас Цаубербух», скинула с носа очки и метнулась в коридор.

Из ванной валил пар, смешанный с отбившимися от стаи пузырями. За завесой пара Чармейн еле различила, что на нее надвигается что-то огромное и белое.

– Что ты на... – начала Чармейн.

Больше она ничего не успела сказать, потому что огромное белое неизвестно что вывалило гигантский розовый язык и лизнуло ее в лицо. Кроме того, оно громогласно затрубило. Чармейн покачнулась назад. Это было как будто тебя лизнуло мокрое махровое полотенце и тепло поприветствовал слон. Чармейн прислонилась к стене и уставилась в гигантские умоляющие глазища неведомого создания.

– Знакомые глаза, – заметила она. – Что он с тобой сделал, Потеряшка?

Из ванной, запыхавшись, выскочил Питер.

– Не понимаю, где я ошибся, – пропыхтел он. – Вода из-под крана не такая горячая, чтобы заварить чай, и я решил подогреть ее Увеличительным Заклятьем.

– Вот что, немедленно верни все как было, – велела Чармейн. – Потеряшка стала размером со слона.

Питер мельком покосился на гигантскую Потеряшку.

– И не со слона, а всего лишь с ломовую лошадь. Зато трубы раскалились докрасна, – сказал он. – Что же мне делать?

– Ну знаешь! – воскликнула Чармейн.

Она осторожно отодвинула в сторону исполинскую Потеряшку и пошла в ванную. Сквозь пар было плохо видно, но она различила, что из всех четырех кранов и сливного бачка хлещет в раковину, ванну и ватерклозет кипящая вода, а трубы вдоль стен и вправду раскалились докрасна.

– Дедушка Вильям! – воскликнула она. – Как мне сделать, чтобы вода в ванной стала холодная?

Среди шипения и бульканья раздался ласковый голос дедушки Вильяма:

– Дальнейшие инструкции где-то в чемодане, душенька.

– Как некстати! – сказала Чармейн. Она понимала, что шарить по чемоданам сейчас некогда. Вот-вот что-нибудь взорвется.

– А ну, холодейте! – завопила она в пар. – Замерзайте! Все четыре трубы, немедленно остыньте! – кричала она, размахивая руками. – Я приказываю вам остудиться!

К ее изумлению, трубы повиновались. Пар улегся, пофырчал немного и исчез. Бачок перестал сливаться. Три из четырех кранов захрюкали и перестали течь. На последнем оставшемся кране быстро образовалась изморозь – это был холодный кран над раковиной, – а из его кончика выросла сосулька. Еще одна сосулька появилась на трубах, тянувшихся вдоль стены, и с шорохом соскользнула в ванну.

– Так-то лучше, – сказала Чармейн и повернулась посмотреть на Потеряшку. Потеряшка ответила ей печальным взглядом. Она была по-прежнему большая.

– Потеряшка, – велела Чармейн, – стань маленькой. Быстро. Я приказываю.

Потеряшка печально повела кончиком исполинского хвоста и осталась прежнего размера.

– Если она волшебная, – заметил Питер, – то, наверно, сама сможет превратиться, если захочет.

– Да замолчи ты! – рявкнула на него Чармейн. – Что ты тут устроил, а? Кто же пьет крутой кипяток?!

Питер хмуро поглядел на нее из-под всклокоченных мокрых волос.

– Я хотел чашку чаю, – сказал он. – Чтобы заварить чай, нужен кипяток.

Чармейн ни разу в жизни не приходилось заваривать чай. Она пожала плечами.

– Да что ты говоришь? – Она подняла голову к потолку. – Дедушка Вильям, у вас тут можно попить чаю?

Снова послышался ласковый голос:

– Если вы в кухне, то постучите по столу, душенька, и скажите: «Чай». Если вы в гостиной, постучите по столику на колесах в углу и скажите: «Послеобеденный чай». Если вы в спальне...

Ни Чармейн, ни Питер не стали дослушивать про спальню. Они ринулись вперед, захлопнули дверь ванной, снова ее распахнули – Чармейн твердой рукой повернула Питера налево, – протиснулись в проем в кухню, повернулись, захлопнули дверь, снова открыли ее и наконец очутились в гостиной, где заозирались в поисках столика на колесах. Питер заметил его в углу и добежал туда первым.

– Послеобеденный чай! – закричал он и с размаху ударил по пустой стеклянной столешнице. – Послеобеденный чай! Послеобеденный чай! Послеобе...

Когда Чармейн подскочила к нему и схватила за занесенную руку, столик уже был уставлен чайниками, молочниками, сахарницами, чашками, лепешками, мисками взбитых сливок, варениками, тарелками горячих гренков с маслом, горами плюшек и блюдом с шоколадным тортом. С одной стороны столика выдвинулся ящик, полный ножей, вилок и ложек. Чармейн и Питер в одну секунду подкатали столик к сыроватому дивану и уселись пировать. Минуту спустя в дверь просунулась огромная голова Потеряшки и принялась. Увидев столик, Потеряшка с некоторым усилием протиснулась в гостиную, после чего задумчиво и величественно подкралась к дивану и положила громадный мохнатый подбородок на спинку позади Чармейн. Питер покосился на Потеряшку и машинально передал ей несколько плюшек, которые она и проглотила в один присест, но с превеликой вежливостью.

Прошло добрых полчаса, когда Питер наконец отодвинулся от столика и потянулся.

– Здорово было, – сказал он. – Что ж, с голоду мы не умрем. Чародей Норланд, как в вашем доме получить обед? – спросил он эксперимента ради.

Ответа не было.

– Он отвечает только мне, – пояснила Чармейн не без нотки самодовольства. – А я его сейчас спрашивать не буду. Перед твоим приходом мне пришлось разбираться с лаббоком, и я падаю с ног. Пойду спать.

– А что такое вообще лаббоки? – спросил Питер. – Считается, что моего отца убил лаббок.

Чармейн была не в настроении ему отвечать. Она поднялась и направилась к двери.

– Стой, – сказал Питер. – Куда убрать все со столика?

– Понятия не имею, – бросила Чармейн. Она открыла дверь.

– Стой, стой, стой! – крикнул Питер и бросился за ней. – Покажи мне сначала мою комнату.

Да, наверно, придется, подумала Чармейн. Он же лево и право не различает. Она вздохнула. С крайней неохотой она пропихнула Питера сквозь гушу пузырей, которых в кухне стало только больше, чтобы он забрал свой ранец, а потом повернула его налево, обратно в дверь, в коридор со спальнями.

– Занимай третью, – сказала она. – Эта моя, а первая – дедушки Вильяма. Если не понравится, их тут несколько миль. Спокойной ночи, – добавила она и ушла в ванную.

Там все было покрыто инеем.

– Тьфу ты, – сказала Чармейн.

Когда она оказалась в своей спальне и натянула ночную рубашку, слегка испачканную чаем, Питер выскочил в коридор и закричал:

– Эй! Ватерклозет замерз!

Не повезло, подумала Чармейн. Она забралась в постель и тут же заснула.

Примерно через час ей приснилось, что на нее уселся мохнатый мамонт.

– Уйди, Потеряшка, – пробормотала она. – Ты слишком большая.

После этого ей приснилось, что мамонт не спеша слез с нее, что-то урча, и тогда она погрузилась в другие, более глубокие сны.

Глава пятая, в которой Чармейн принимает у себя перепуганную родительницу

Проснувшись, Чармейн обнаружила, что Потеряшка пристроила свою обширную голову на постели, прямо поперек ее ног. Остальная Потеряшка громоздилась на полу белой мохнатой грудой, занимавшей почти всю комнату.

– Значит, сама ты не можешь стать меньше, – сказала Чармейн. – Придется мне что-нибудь придумать.

В ответ Потеряшка несколько раз всхрапнула по-великански, а потом снова погрузилась в сон. Чармейн с трудом вытащила ноги из-под ее головы и, протиснувшись мимо гигантского туловища Потеряшки, нашла себе чистую одежду и натянула ее. Когда очередь дошла до прически, Чармейн обнаружила, что все шпильки, которыми она обычно закалывала волосы, куда-то подевались, должно быть выпали, когда она летела с обрыва. В ее распоряжении осталась только лента. Мама всегда твердила, что приличные девочки скручивают волосы в тугую узел на макушке. Никаких других причесок Чармейн никогда не носила.

– Ну и ладно, – сказала она своему отражению в маленьком чистеньком зеркале. – Мамы здесь нет, верно? – И она заплела волосы в толстую косу, завязала ее лентой и перебросила через плечо.

Ей подумалось, что так ее отражение выглядит красивее обычного – лицо стало круглее, не такое худое и хмурое. Она кивнула отражению и пробралась вокруг Потеряшки, направляясь в ванную.

К ее облегчению, за ночь ванная оттаяла. Отовсюду тихонько капало – на трубах собралась влага, – но когда Чармейн отважилась открыть краны, то убедилась, что все в порядке. Из всех четырех кранов текла ледяная вода, сколько Чармейн ни выжидала.

– Все равно я не собиралась принимать ванну, – сказала Чармейн и вышла в коридор.

Питера нигде не было слышно. Чармейн вспомнила, что мама всегда говорила ей, как трудно поднять мальчиков по утрам. Вот она и не разрешила себе волноваться по этому поводу. Она открыла дверь и повернула налево, в кухню – и прямо в плотную пену. Мимо нее в коридор проплыли клочья пены и большие одинокие пузыри.

– Проклятье! – сказала Чармейн.

Она опустила голову, прикрыла ее руками и вклинилась в кухню. Там было жарко, как в отцовской пекарне, когда случался крупный заказ.

– Фу! – сказала Чармейн. – Похоже, пока израсходуется один-единственный кусок мыла, придется ждать несколько дней!

Больше она ничего не говорила, потому что стоило ей открыть рот, как туда набилось мыльной пены. Пузыри лезли в нос, пока она не чихнула, вызвав пенный смерчик. Она врезалась в стол и услышала, как оттуда упал еще один чайник, но шла дальше, все так же вклиниваясь в пену, пока не натолкнулась на мешки с грязным бельем и не услышала, как задребезжали стоявшие на них кастрюли. Тогда она поняла, где находится. Она решила, что можно рискнуть и оторвать от лица одну руку, нащарила раковину и прокладывала себе дорогу вдоль нее, пока не нащупала пальцами заднюю дверь. Ухватилась за засов – на миг ей померещилось, будто за ночь он исчез, но потом она сообразила, что он на другой стороне двери, – и наконец распахнула дверь. И остановилась, жадно глотая мыльный воздух и глядя слезящимися, красными, саднящими глазами на чудесный утренний пейзаж.

Мимо нее на волю стаями вырывались пузыри. Когда перед глазами немного прояснилось, Чармейн восхищенно замерла – так красиво большие блестящие пузыри переливались в

солнечных лучах, когда парили на фоне зеленых горных склонов. Чармейн заметила, что почти все они лопались, долетев до ограды дворика, как будто натыкались там на какую-то невидимую преграду, однако некоторые плыли дальше и поднимались всё вверх и вверх, как будто собирались так и лететь веки вечные. Чармейн следила за ними глазами – вверх по коричневым скалам и зеленым склонам. Один из этих зеленых склонов и был, наверное, тот луг, где она повстречала лаббока, но какой именно – было не различить. Чармейн подняла взгляд еще выше, в нежно-лазоревоe небо над вершинами. День был просто очаровательный.

К этому времени из кухни наружу валил ровный мерцающий поток пузырей. Когда Чармейн оглянулась посмотреть, что там делается, то увидела, что кухня уже не забита плотной пеной, но везде по-прежнему летали пузыри, а из очага набегали все новые и новые. Чармейн вздохнула и осторожно попятилась в дом, потянулась через раковину и открыла кухонное окно. Это было очень правильное решение. Из дома повалило сразу два потока пузырей, быстрее прежнего, и во дворе появились радуги. Кухня стремительно пустела. Вскоре Чармейн уже могла разглядеть, что у раковины теперь стоят уже *четыре* мешка с грязным бельем – на месте вчерашних двух.

– Вот гадость! – сказала Чармейн. – Дедушка Вильям, как мне получить завтрак?

Было приятно услышать из гущи пузырей голос дедушки Вильяма:

– Постучите по стене рядом с очагом, душенька, и скажите: «Завтрак, пожалуйста».

Оголодавшая Чармейн тут же побежала к очагу. Она нетерпеливо постучала по мыльной крашеной стене:

– Завтрак, пожалуйста!

После чего ей пришлось посторониться от возникшего в воздухе подноса и нащупать очки на груди. Посреди подноса стояла шипящая тарелка с яичницей с беконом, а вокруг теснились кофейник, чашка, подставка с гренками, варенье, масло, молоко, мисочка со сливовым повидлом и приборы в накрахмаленной салфетке.

– Какая прелесть! – воскликнула Чармейн и, пока все не успело замылиться, подхватила поднос и утащила его в гостиную.

К ее удивлению, здесь не осталось никаких следов вчерашнего чайного пира, который учинили они с Питером, а столик аккуратно стоял в углу, но в комнате было очень сыро, и по стенам толпилось довольно много заблудившихся пузырей. Чармейн прошла через гостиную к входной двери. Она вспомнила, что когда брала розовые и голубые лепестки для заклинания из «Книги Палимпсеста», то заметила в саду за окном кабинета стол и скамейку. Она понесла поднос за угол дома поглядеть, там ли они.

Они оказались на месте – на самом утреннем солнышке, а над столом, выше сине-розово-голубых кустов, виднелось окно в кабинет, хотя поместиться кабинету в доме было негде. Интересная штука волшебство, подумала Чармейн и поставила поднос на стол. Хотя с кустов над головой еще капало после дождя, который лил всю ночь, стол и скамейка были сухие. Чармейн села и съела самый вкусный завтрак в своей жизни, нежась на солнышке, – она чувствовала себя ленивой, избалованной и ужасно взрослой. Не хватает только шоколадного круассана, какие печет папа, подумала она, откидываясь на спинку скамейки и прихлебывая кофе. Обязательно расскажу дедушке Вильяму, когда он вернется.

Ей подумалось, что дедушка Вильям, должно быть, частенько сживал за завтраком в этом приятном местечке. Гортензии вокруг нее цвели красивее всех в саду, как будто ради того, чтобы доставить дедушке Вильяму особое удовольствие. На каждом кусте росли цветы разных оттенков. На кусте прямо перед Чармейн были белые, бледно-розовые и розовато-сиреневые цветы. Следующий начинался слева с синих и голубых цветов, а к правой стороне переходил в насыщенные аквамариновые. Чармейн как раз хвалила себя за то, что не разрешила кобальду состричь всю эту красоту, как из окна кабинета высунулась голова Питера. Это чуть не испортило Чармейн все удовольствие.

– Эй, где ты взяла завтрак? – строго спросил Питер.

Чармейн ему объяснила, он убрал голову обратно и ушел. Чармейн осталась сидеть – она была уверена, что Питер вот-вот появится, и надеялась, что все-таки нет. Но ничего не произошло. Чармейн еще немного погрелась на солнышке, а затем решила, что неплохо бы найти книгу и почитать. Но сначала она отнесла поднос в дом, в кухню, по пути нахваливая себя за хозяйственность и трудолюбие. Было видно, что Питер тут побывал: он закрыл заднюю дверь и оставил открытым только окно, поэтому кухня снова была забита пузырями, которые сначала медленно подплывали к окну, а потом стремительно выскакивали в него. Среди пузырей маячила огромная белая фигура Потеряшки. Когда Чармейн вошла, Потеряшка вытянула исполинский облезлый хвост и вильнула им, причем сильно задела очаг. Очень маленькая мисочка с очень маленькой порцией корма, предназначенной для очень маленькой собачки, пролетела сквозь пузыри и приземлилась у ее огромных передних лап. Потеряшка печально оглядела ее, опустила громадную голову и одним махом заглотила весь корм.

– Ой, бедная Потеряшка! – воскликнула Чармейн.

Потеряшка подняла голову и увидела ее. Исполинский хвост завилял, стуча по очагу. С каждым ударом появлялась новая мисочка с кормом. За несколько секунд Потеряшка оказалась окружена крошечными мисочками, уставившими весь пол.

– Не перестарайся, Потеряшка, – посоветовала Чармейн, лавируя между мисочками.

Она поставила поднос на один из двух новых мешков с грязным бельем, сказала Потеряшке: «Если понадобится, я в кабинете, ищу книжку» – и вылавировала обратно к двери. Потеряшка была занята едой и не обратила на нее внимания.

В кабинете был Питер. Поднос из-под завтрака стоял на полу у письменного стола, а сам Питер сидел в кресле и деловито перелистывал одну из шеренги огромных книг в кожаных переплетах, стоявших на дальнем краю стола. Сегодня Питер выглядел гораздо приличнее вчерашнего. Волосы у него высохли и лежали аккуратными темно-русыми завитками, и он надел запасной костюм, из добротного зеленого твида. Костюм был в складках от лежания в рюкзаке, и на нем красовалась пара круглых влажных пятен там, где лопнули пузыри, однако Чармейн вынуждена была признать, что он очень даже ничего. Когда Чармейн вошла, Питер со вздохом захлопнул книгу и сунул ее на место. Чармейн отметила, что вокруг большого пальца на левой руке у него повязана зеленая бечевка. Значит, вот как он сюда попал, подумала Чармейн.

– Темный лес, – сказал ей Питер. – Должно быть где-то здесь, а найти не могу.

– Что ты ищешь? – спросила Чармейн.

– Ты вчера что-то говорила про лаббока, – ответил Питер, – и я понял, что плохо представляю себе, кто они такие. Вот хотел посмотреть в книге. Или ты сама все о них знаешь?

– Вообще-то нет, кроме того, что они очень страшные, – призналась Чармейн. – Мне бы тоже хотелось узнать о них побольше. Только как?

Питер показал пальцем, обмотанным зеленой бечевкой, на череду книг.

– Вон она. Это чародейская энциклопедия, но надо заранее знать, что ищешь, иначе даже нужного тома не найдешь.

Чармейн нацепила очки и нагнулась посмотреть на книги. На каждой было вытеснено золотом: «Рес Магика», а ниже стояли цифры и название. «Том 3, – прочитала она. – „Гироллоптика“. Том 5, „Панактикон“». Тогда Чармейн зашла с другого конца: «Том 19, „Высшая репродукция“. Том 27, „Земная онейромантия“. Том 28, „Космическая онейромантия“».

– Да, я тебя понимаю, – протянула Чармейн.

– Поэтому я решил пролистать все по порядку, – сказал Питер. – Уже просмотрел пятый том. Сплошные заклинания, темный лес. – Он вытащил шестой том, именовавшийся попросту «Порча», и раскрыл его. – А ты бери следующий, – приказал он.

Чармейн передернула плечами и взялась за том седьмой. Назывался он тоже невнятно – «Сильнодействующие сущности». Чармейн унесла его на подоконник, где было светло и про-

сторно, и открыла почти у самого начала. И тут же поняла, что попала по адресу. «Демон. Могушественная и иногда опасная сущность, иногда ошибочно принимаемая за Стихию (см.)», – прочитала она, а пролистав еще несколько страниц, обнаружила: «Дьявол. Адская тварь...» После этого она сунулась в самый конец и наткнулась на: «Эльфийский Дар. Содержит чары, дарованные эльфами (см.) ради безопасности их владений...», после чего вернулась назад: «Инкуб. Особая разновидность Дьявола (см.), опасная в основном для женщин...» Тут она принялась листать очень медленно и осторожно и спустя двадцать страниц нашла искомое.

– Лаббок! Вот он!

– Отлично! – Питер захлопнул «Порчу». – У меня тут одни графики. Что пишут?

Он подошел, облокотился о подоконник рядом с Чармейн, и они вместе прочитали статью.

«Лаббок. К счастью, встречается крайне редко. Лаббок – насекомоподобное существо лилового окраса, размер колеблется от кузнечика до человека и крупнее. Крайне опасен, хотя в наши дни встречается лишь в диких необитаемых областях. Лаббок нападает на всякого замеченного человека и вцепляется в него либо пинцетообразными ложноножками, либо мощным хоботком. В течение десяти месяцев в году он всего лишь разрывает человека на куски и пожирает, однако в июле и августе у лаббоков брачный сезон, когда они особенно опасны, так как в эти месяцы они подстерегают одиноких путников в засаде и, поймав, откладывают яйца в их тела. Спустя двенадцать месяцев из яиц вылупляются личинки, причем та, которая вылупилась первой, пожирает всех остальных, после чего этот единственный оставшийся в живых лаббок прокладывает себе путь наружу из хозяина-человека. Мужчина при этом умирает. Женщина рождает паразита естественным путем, в результате чего на свет появляется лаббокин (см. ниже). Как правило, после этого женщина также умирает».

Ой, я же едва спаслась, в ужасе подумала Чармейн, и они с Питером разом бросились читать следующую статью.

«Лаббокин. Потомство лаббока (см.) и женщины. Как правило, на вид не отличается от обычного ребенка за тем исключением, что у лаббокинов всегда лиловые глаза. У некоторых кожа также имеет лиловый цвет, а отдельные лаббокины рождаются с рудиментарными крыльшками. Если ребенок по всем признакам является лаббокином, акушерка немедленно убивает его, однако часто случается, что лаббокина по ошибке растят как нормального ребенка. Лаббокины практически всегда обладают злобным нравом, а поскольку они могут скрещиваться с людьми, их темная натура изживается лишь через несколько поколений. По непроверенным данным, к лаббокинам возводят свой род многие обитатели отдаленных регионов наподобие Верхней Норландии и Монтальбино».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.